

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРЕМИЯ «БОЛЬШАЯ КНИГА» — 2010 — ФИНАЛИСТ

«РУССКИЙ БУКЕР» — 2010 — ДЛИННЫЙ СПИСОК

«СТУДЕНЧЕСКИЙ БУКЕР» — 2010 — ШОРТ-ЛИСТ

ЕВГЕНИЙ КЛЮЕВ

Андерманир штук

«...мы обманутое поколение... Нас вырастили в этой стране, вырастили под ее потребности, приспособив к жизни в ней, — и как раз тогда, когда мы стали взрослыми, с-о-в-е-р-ш-е-н-н-о-л-е-т-н-и-м-и, выяснилось: страны, для которой нас вырастили и приспособили, больше нет. Что теперь будет с нами? Волки вырастили волчонка и сказали ему: живи среди овец. Зайцы вырастили зайчонка и послали жить среди лис. Вороны вырастили вороненка и отправили в курятник. Господи, помоги нам всем — волчатам, зайчатам, воронятам!

Господи, помоги
нам!»

Евгений Ключев
Андерманир штук

«WebKniga»

2010

Клюев Е. В.

Андерманир штук / Е. В. Клюев — «WebKniga», 2010

Новый роман Евгения Клюева, подобно его прежним романам, превращает фантазмагорию в реальность и поднимает реальность до фантазмагории. Это роман, постоянно балансирующий на границе между чудом и трюком, текстом и жизнью, видимым и невидимым, прошлым и будущим. Роман, чьи сюжетные линии суть теряющиеся друг в друге миры: мир цирка, мир высокой науки, мир паранормальных явлений, мир мифов, слухов и сплетен. Роман, похожий на город, о котором он написан, – загадочный город Москва: город-палимпсест, город-мираж, город-греза. Роман, порожденный словом и в слово уходящий.

© Клюев Е. В., 2010

© WebKniga, 2010

Содержание

1. ПОТОМ НИ ОДИН ПАТОЛОГОАНАТОМ НЕ СОБЕРЕТ	6
2. НЕ ЦИРКОВОЕ ДИТЯ	9
КАК ВЫРАЩИВАТЬ ЗОЛОТУЮ РЫБКУ В ЧЕРНИЛАХ	12
3. СОБСТВЕННО, ДАЖЕ АНТОНИО ФЕЕРИ	13
4. БОЛЬШЕ НИЧЕГО	16
5. СДЕЛАЙ ТАКОЙ ФОКУС!	21
6. ТО ЕСТЬ, АГНЕЦ АГНЦЕМ	24
7. МНЕ КАЖЕТСЯ, ОН УЕХАЛ В ИТАЛИЮ...	28
КАК ПРОТЫКАТЬ ПАЛЬЦЕМ ФЕТРОВУЮ ШЛЯПУ	31
8. НИКАКОЙ ТОЧКИ	32
9. БЫВАЕТ ЖЕ ТАКОЕ	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Евгений Васильевич Клюев

Андерманир штук

*За помощь в написании романа
автор особенно признателен
Льву Орлову,
Антону Петровичу Фертову,
Елене Антоновне Фертовой,
Вере Кузьминой,
Елизавете Литвиновой,
Павлу Андреевичу Мартынову,
Сэму,
печальному клоуну Пете Миронову,
Рафаэлю Циталаивили.*

1. ПОТОМ НИ ОДИН ПАТОЛОГОАНАТОМ НЕ СОБЕРЕТ

Ребенка назвали ЛЕВ.

Зачем людей называют львами? И если называют львами, то почему не называют тиграми, слонами, медведями? Хотя раньше, кажется, было имя Кит. Но потом киты исчезли. А львы остались...

Итак, ребенка назвали Лев – не подумавши. Получилось: Лев Орлов... Глупо получилось. Потом его, конечно, не раз спросят: так ты лев или орел? Я грифон – научится отвечать Лев Орлов.

Но это гораздо позднее, потому как сейчас он только что родился. Лев родился зимой.

Родившись, он заорал таким страшным голосом, что молоденькая акушерка чуть не выронила его из рук. Правда, не только из-за этого, а из-за того еще, что обладатель недюжинной глотки был покрыт черной шерстью – с ног до головы – и что совсем юная, бледная и прекрасная роженица, Леночка, увидев ребенка, тоже заорала страшным голосом, изо всех сил стараясь, но не будучи способной отвести от чада ренессансных своих глаз.

Потом Леночка расскажет, что с самого начала была против имени Лев, но Алику хотелось Льва. Алик было полное имя мужа (Алик Саркисович) – и «Львом» Алик явно компенсировал недостаток значительности собственного поименования. Нисколько не заботясь о том, что любой лев, произведенный им на свет, обязательно будет Аликович...

Леночке же слышалось во «Льве» только животное, зверь слышался – и ничего больше. И она боялась родить зверя. Тем более что профессиональная гадалка, к которой на четвертом месяце беременности зачем-то привела ее Нора, что-то в этом роде и предрекла. Сжав руку Леночки так, словно собиралась выдавить из ладони всю правду до капельки, профессиональная гадалка минут десять самозабвенно предавалась анализу линий на покрасневшей коже и в конце концов задумчиво сказала: «Дикое мясо из тебя выйдет, голубушка». Леночка тогда проплакала весь вечер, а с утра обнаружила, что без содрогания видеть не может желтого цвета: он был главным в одежде профессиональной гадалки.

Боязнь желтого преследовала ее вплоть до самых родов: при виде желтого Леночке становилось плохо – испарина, учащенный пульс, одышка и все-такое-прочее. Нора посоветовала носить темные очки – и Леночка выбрала самые крупные и самые темные, с зеленым оттенком. Она не снимала их до зимы и жаловалась кому попало при первой же возможности: «Хожу беременная, в морозы, вся в черных очках... ужас!»

...глаза от Льва удалось отвести тогда, когда его куда-то унесли. Леночка улыбнулась присутствовавшему персоналу и, виновато вздохнув, стала осторожно сползать на пол.

– Погодите, Вам же нельзя пока вставать, женщина! – закричали ей, но она, не переставая улыбаться, начала медленно, словно во сне, двигаться к двери, про себя удивляясь слову «женщина», обращаемому к ней впервые. И – толкнула дверь, и засемила по коридору. Истекая, между прочим, кровью.

Только спустя несколько месяцев она признается наконец, что просто хотела убежать. Убежать – все равно куда, и пусть никто не найдет. Чтобы это маленькое чудовище в шерсти отдало куда-нибудь... куда-нибудь ведь отдают таких: в зоопарк, в питомник!

Конечно, Леночку привели назад. Уложили обратно на стол. Сказали, что ребенка она больше не увидит никогда: его зарежут и закопают в землю. Ренессансными своими глазами Леночка изумленно посмотрела на говорившего и сказала с трудом:

– Нет. Пожалуйста. Не резать и в землю не закапывать.

Когда Льва принесли кормить, она вздохнула и дала зверенышу грудь.

Волосы потом пропали, а еще раньше Леночке объяснили, что так бывает и что это к счастью. Все равно как в рубашке, значит, родился. Некоторое время с опаской поглядывая на облысевшее чадо, она в конце концов влюбилась в него без памяти: так влюблялась она во все новое. Алик передал Льву желтые пеленки – Леночка по привычке вздрогнула, но страха не испытала: бояться стало нечего.

Вернувшись домой из роддома, она беспрестанно говорила о Льве по телефону, на самого Льва внимания при этом обращая мало. Впрочем, Лев его и не требовал, словно понимая, что Леночке гораздо приятнее рассказывать о том, как именно она рожала – его. И что, родившись, он весил ровно четыре килограмма: такая точность веселила Леночку необыкновенно. «Четыре килограмма льва, представляешь?» – кричала она в трубку и хохотала. Хохотать Леночка любила больше всего на свете и часто это себе позволяла. Она хохотала даже тогда, когда от нее требовалось просто улыбнуться.

– Не хохочи, Леночка, я сейчас пилить тебя начну, – просил Антон Петрович в манеже, но Леночка хохотала все равно.

Антон Петрович был отцом Леночки и ее работодателем.

Антон, стало быть, Петрович («Почти Павлович!» – иногда шутил он, представляясь) – с псевдонимом Антонио Феери... кто же в Москве шестидесятых-семидесятых не слышал этого псевдонима? Кто же не бывал на представлениях иллюзиониста, чуть ли не больше, чем фокусами, известного своими сухими, как порох, и столь же взрывоопасными замечаниями в собственный адрес и в адрес очаровательной, но явно не слишком сообразительной ассистентки?

– Не хохочи, Леночка, я сейчас пилить тебя начну.

Леночка унаследовала ренессансные глаза отца, каковыми ни с того ни с сего наделила его природа, и немножко материнской пластики: матерью ее была Джулия Давнини, бесследно исчезнувшая пять лет назад женщина-змея. Обстоятельства исчезновения женщины-змеи никогда не прояснились: во время летних гастролей на полу в гостиничном номере обнаружили только ее чешуйчатый комбинезон.

Отношения Леночки с отцом на арене были сложными: он, стало быть, перепиливал ее пополам – в ящике, куда сам же предварительно и помещал.

– Я бы мог перепилить ее и без ящика, – объявлял Антонио Феери на весь цирк, – но боюсь забрызгать вас кровью.

Публика нервно смеялась, понимая: фокусник шутит.

Леночка выходила на арену браво – в ослепительном золотом трико, плотно прилежавшем к телу, под жизнеутверждающую музыку – и сразу же начинала хохотать, музыку, к счастью, не заглушая. Смотреть на то, как Антонио Феери с хирургическим выражением лица распиливает ее в ящике, было, скорее, приятно, чем страшно, ибо Леночка хохотала и будучи распиливаемой. Самым же оптимистичным в программе Антонио Феери считался момент, когда – уже после распиливания – верхняя часть Леночки продолжала хохотать, причем с удвоенной силой.

Но вот половинки ящика снова сведены: верхняя и нижняя части Леночки от целительных пассов Антонио Феери, со всей очевидностью, соединяются в ящике («Я бы сшил ее хирургической иглой, только потом швы снимать канительиться!»)... – и Леночка хохочет наконец всем своим телом, тело предъядается публике, а иллюзионист произносит странные слова:

– Если бы мне не удалось соединить верхнюю часть с нижней, оставшуюся жизнь ей пришлось бы хохотать дуэтом.

Трудно сказать, что имеет в виду Антонио Феери... и что он вообще имел в виду, разбрасывая по манежу сухие свои замечания!

Больше ничего такого эффектного от Леночки не требовалось, и все остальное время она просто подавала иллюзионисту цилиндр, бокал, зонтик... – разумеется, не забывая хохотать, что к концу программы уже начинало раздражать зрителей.

– Потерпите, – провозглашал Антонио Феери, принимая из рук хохочущей Леночки, например, бокал. – Скоро я опять распилю ее, причем на множество мелких частей, – потом ни один патологоанатом не соберет!

2. НЕ ЦИРКОВОЕ ДИТЯ

Антонио Феери любил дочь больше жизни. Когда-то давно он любил больше жизни Джулию Давнини, но любовь к Джулии всегда была безответной. Впрочем, безответной быстро стала и его любовь к дочери: с тех самых пор, как та соблазном-посланное-ложе отчей-сени-предпочла... ни иначе, ни короче Антонио Феери не называл время, когда у Леночки появился первый кавалер – наездник Реза Абдурахманов, примчавшийся в ее жизнь на лихом коне. Вне лихого коня Резу Абдурахманова Антонио Феери не видел ни разу («Моя дочь полюбила скульптурную группу», – говорил он обычно) – и все пытался представить себе, куда девается лихой конь, когда Леночка и Реза Абдурахманов возлежат на своем «соблазном посланном ложе»: Антонио Феери подозревал, что лихой конь, скорее всего, примостился где-нибудь тут же и тревожно ржет – например, в изголовье... м-да. Но в один прекрасный день Реза Абдурахманов вскочил на своего лихого коня – наверное, прямо с ложа – и исчез из поля зрения. Поле зрения пустовало недолго – скоро в него набилось довольно много народу, и некоторые (Леночка с грустью называла их «нахалами») время от времени даже получали доступ к ложу. Пока, недолго думая (долго он и вообще-то не мог), Алик Саркисович Орлов – шизым, стало быть, орлом – взлетел с подкидной доски, на которой проходила большая часть его жизни, и, сильными крыльями сшибив с ложа очередного «нахала», упал на сие ложе – «как золотой дождь на Данаю», по словам Антонио Феери. «От золотого дождя и произошел Лев», – эпическим тоном повествовал впоследствии иллюзионист, однако сам не особенно в это верил, хоть и был человеком традиционным.

И фокусы показывал только традиционные. К нему относились как к иллюзионисту старой школы – не особенно творческому, но на редкость ловкому и аккуратному. Творческими признавали, пожалуй, только его руки – потрясающей красоты руки, каждое движение которых было – танец. Осветители обожали высвечивать колдующие в воздухе белые перчатки, за полетом которых зачарованно следила публика: любуясь, но, разумеется, не отдавая себе отчета в том, что свет-на-руки для любого другого иллюзиониста – помощь сомнительная... Впрочем, не для Антонио Феери: его руки не боялись света. Танец рук был настолько точным и безупречным, что сам Антонио Феери мог бы не присутствовать на своих представлениях: его гениальные руки легко справились бы со всем без него. Они и в его-то присутствии жили отдельной жизнью. «Я зарабатываю на хлеб руками, – часто говорил он и добавлял: – Не уверен только, что своими».

Его – постоянно одна и та же – программа называлась «Полчаса чудес». Эти полчаса чудес он неустанно возил по всему свету, ни разу не изменив ни одного номера, но успех все равно был ошеломляющим: всякий раз, когда высвечивались порхающие над ареной белые перчатки, публика забывала о том, что уже наизусть знает фокусы Антонио Феери. И за этот танец белых перчаток готова была простить все – даже неумолчный хохот Леночки.

Пусть только танцуют свой танец белые перчатки!..

Так что Леночка могла хохотать совершенно безнаказанно. Родив Льва, она поклялась себе, что цирковым тот не будет никогда. А будет... будет инженером-конструктором! И Леночка накупила грудному Льву кучу машинок и заводных игрушек – впечатления на него, впрочем, не производивших. «Смотри, какой фургончик, Лев!» – возила она перед его глазами невменяемых размеров контейнер. Контейнер пугал Льва – и Лев плакал, а Леночка хохотала.

Алик Саркисович Орлов не разделял Леночкиных идей: он мечтал видеть сына на подкидной доске – и чем скорее, тем лучше, можно даже прямо сейчас, ничего, что Лев – грудной! Больше ни о чем Алик Саркисович Орлов мечтать не умел, ибо в его собственное сознание подкидная доска была встроена от рождения. На подкидной доске он вырос – и все развитие его как личности представляло собой процесс перемещения с верхней ступени «живой пира-

миды», куда он угождал непосредственно с доски, в основание этой пирамиды. Мальчиком держали его на плечах четыре орлова, а позднее, значит, сам он стал держать на своих плечах четырех орловых. Пирамида, состоявшая из орловых, считалась «живой», но впечатления такого не производила, ибо прыгуны стояли как мертвые... м-да, как мертвые прыгуны. Было, правда, слышно, что в каждом из них натужно билось живое человеческое сердце: номер проходил без музыкального сопровождения.

А рост Алик Саркисович Орлов имел высокий: до двух метров не хватало какой-нибудь мелочи, так что ему вряд ли удалось бы взлететь над манежем – оставалось только принимать с воздуха более летучих орловых, когда те над его головой от-ку-выр-ки-ва-ли свое. Слава Богу, фундамент под названием «Алик Саркисович Орлов» всегда вырастал внизу именно в тот момент, когда дальше кувиркаться казалось некуда. Алик Саркисович Орлов был сама надежность. Он никогда не улыбался, но этого от него и не требовалось: лицо Алика Саркисовича Орлова излучало такую неизбывную доброту и приязнь, что любая улыбка на таком лице была бы просто неуместной.

И, конечно, на свет от него мог произойти только лев... если, конечно, это был его лев. Но о том, его ли это лев, Алик Саркисович Орлов никогда не задумывался – он просто сразу сказал: «Мой лев». И добавил: «Прекрасный лев», – уже видя Льва на самой вершине «живой пирамиды».

– Действительно, ничего себе львенок! – откликнулся Антонио Феери, в первый раз за много лет испытав нежность – и почти не узнав ее, когда она внезапно заявила о своем присутствии. Но потом, конечно, узнав и сказав: «Здравствуй, нежность».

Льва в семье стали называть «львенок».

Несмотря на свои четыре килограмма, львенок оказался довольно болезненный – скорее всего потому, что сразу после рождения его начали таскать с собой по гастролям. Алик Саркисович Орлов качал большой головой и постоянно долдонил «закалять-надо-ребенка-закалять-надо-ребенка-закалять-надо-ребенка», но закалять-ребенка ему не давали. Леночку – по совести сказать – чуть ли не радовал тот факт, что львенок, со всей очевидностью, не оказывался крепышом. Тем реальнее рисовался ее мысленному взору привлекательный образ инженера-конструктора: мужчины с внешностью подростка и в толстых роговых очках... интеллигентного-о-о – хоть влюбись! Один такой часто приходил на представления Антонио Феери на Цветном и всегда сидел во втором ряду, близко к форгангу. Непосредственно перед тем, как Леночке выпархивать на манеж, мужчина-подросток коротко вскрикивал: «Браво!»... – и Леночке казалось, что сразу после этого он падал с кресла как подстреленный, на весь номер теряя сознание. Правда, проконтролировать это она никогда не решалась: Леночку все-таки пугала перспектива увидеть его в добром здравии – пожирающим пломбир-с-розочкой.

– Ты замечаешь такого... интеллигентного мужчину во втором ряду слева от форганга? – спрашивала Леночка отца по окончании номера.

– Плюгавенького совсем? – интересовался Антонио Феери. – Нет, не замечаю: у меня глаз не вооружен.

Леночка обижалась – и, почти не попросившись с отцом, назло ему и всему свету отправлялась домой пешком (недалеко, правда: двадцати минут не набиралось!), по дороге вынашивая планы мести Антонио Феери. Вот откажусь с завтрашнего дня ассистировать – пусть попляшет тогда! Я-то, дура, на работу спешила – года с ребенком не посидев... как он, кстати, там, у Валечки, сегодня? Плачет, небось, бедный.

Плакал Лев часто. «Часто, но, слава Богу, тихо, – говорила Леночка. – Он не столько плачет, сколько кукуется».

– Дурная кровь, – качал большой головой Алик Саркисович Орлов.

Имея в виду, понятное дело, не свою кровь (кровь у всех орловых испокон веку была что надо), а женщины-змеи.

– Зачем ты так! – укоряла Леночка, автоматически защищая мать, которой она, впрочем, несмотря на прошедшие несколько лет всего, уже почти не могла себе представить.

Между тем Джулию Давнини действительно считали психопаткой – этому, однако, не удивляясь, ибо, дескать, что взять с итальянки! Русский язык – так, чтобы по-настоящему, – она выучить не смогла, хоть и прожила в России – с укравшим ее, девятнадцатилетнюю, прямо из Италии Антоном Петровичем Фертовым – почти полжизни, все эти годы страшно раздражаясь от того, что никто ее не понимает. Не понимает и не хочет понять: Джулия Давнини считала, что захоти «они все» ее понять – вполне могли бы выучить итальянский: простой же язык, *porca madonna!* Она бранилась, пила, курила и шла в постель с каждым, кто соглашался понять ее хотя бы на один вечер... всегда на один вечер. Правда, Маневич понимал ее чаще других – так, по крайней мере, ей казалось, и женщина-змея иногда предпочитала его в постели тому или иному новому своему знакомому-на-один-вечер. Поговаривали, что женщина-змея умеет читать мысли, – и за это ее даже немножко побаивались... в любом случае – избегая. «Какие вы tutti холодный, *porca madonna!*»

Какие вы tutti холодный...

Было время, Антонио Феери боготворил ее и прощал ей все. До появления Маневича. Простить Джулии Маневича он не смог никогда – хоть и оставаясь с ней до последнего дня, дня ее исчезновения-из-жизни. Потому что смертью происшедшее с ней назвать было нельзя никак. Джулия Давнини, легенда советского цирка, просто скользнула змейкой между камнями (какие вы tutti холодный!) – и никто больше никогда ее не видел. Комбинезон «змеиная кожа» был явно сброшен впопыхах. Складывая его то... эдак, то опять эдак, Антонио Феери все время повторял: «Я знал, я знал...» – но что именно он знал, навсегда осталось загадкой. Женщина-змея в их жизни больше не объявилась. Тело ее так и не было найдено.

Со дня исчезновения Джулии Антонио Феери пока еще ни разу не произнес ее имени. И не принял участия ни в одном разговоре о ней. Женщина-змея умерла для него полностью – включая имя. Боготворил же он отныне – Леночку: тогда Леночка была дитя. Правда, сама она и потом утверждала, что все еще дитя... Антонио Феери терпеливо верил, пока была возможность и пока не появился Лев: дитя-вне-всяких-сомнений! Только уж больно хрупкое дитя. Не цирковое дитя.

КАК ВЫРАЩИВАТЬ ЗОЛОТУЮ РЫБКУ В ЧЕРНИЛАХ

Предъявите публике стеклянный фужер, наполненный густой жидкостью темного цвета – чернилами – и поставьте его на стеклянный столик перед собой.

Затем выньте из нагрудного кармана шелковый платок, встряхните его и покажите зрителям обе стороны платка, после чего накройте им фужер и совершите над фужером несколько магических пассов.

Осторожным движением снимите платок с фужера – теперь фужер наполнен прозрачной водой, в которой плавает золотая рыбка.

Поднесите фужер с золотой рыбкой к зрителям первых рядов: пусть они убедятся в том, что рыбка живая.

Комментарий

Для этого широко известного трюка вам понадобится полый конус без дна из тонкой черной резины, точно повторяющий форму фужера. К одной из сторон полого конуса, за самый его верх, прикрепите нить с маленьким деревянным шариком на конце. Опустите конус в фужер – просвечивающая сквозь стекло резина создаст впечатление налитых в фужер чернил. Перед началом фокуса налейте в фужер воды и пустите туда плавать золотую рыбку: ни вода, ни рыбка, ни находящийся на поверхности воды деревянный шарик не будут видны зрителям из-за скрывающего их черного конуса.

Покрывая фужер платком, нащупайте деревянный шарик на поверхности воды. Придерживайте его большим и указательным пальцами и поднимайте вместе с платком над фужером: подцепленный за нитку конус скроется в платке, который сразу же после этого, пока внимание зрителей сосредоточено на золотой рыбке в прозрачной воде, рекомендуется спрятать.

3. СОБСТВЕННО, ДАЖЕ АНТОНИО ФЕЕРИ

Когда львенку исполнилось четыре года, Алик Саркисович Орлов сдался: стало понятно, что ни о какой подкидной доске речи уже не пойдет никогда. Ребенка тошнило, когда отец подбрасывал его в воздух. Тошнило в общественном транспорте. Тошнило на качелях и каруселях. Заметили, что его тошнит по утрам – стоит только ему резко подняться с кровати.

По врачам львенка водил Антонио Феери. Обследование было долгим. Диагноз – не то чтобы сильно беспокоящим, но вполне безрадостным. Дед не успел сообщить его, потому что Леночка «об этом» говорить запретила. «Я не вынесу», – предупредила она, и тему закрыли, удовлетвоваввшись сведением общего плана – о неких незначительных нарушениях мозгового кровообращения. «Пройдет!» – мужественно провозгласила женственная Леночка и стала спокойно жить дальше, убедив себя в том, что головокружения никому еще не помешали стать инженером-конструктором. Отныне, правда, с удвоенной энергией таская львенка за собой: так она понимала материнскую заботу. Таская, значит, везде и повсюду: и на гастроли, и даже на свидания с поклонником из второго ряда слева, который давно уже перестал быть поклонником, – выяснилось, что по профессии он инженер-конструктор и, стало быть, воплощает в себе Леночкину мечту о прекрасном будущем Льва. Со слезами рассказав наконец о таком удачном стечении обстоятельств своему бедному прыгуну с подкидной доски, Леночка оставила Алика Саркисовича Орлова и, печалась, сочеталась браком с инженером-конструктором. По имени Ве-ни-а-мин. Так у Льва появился новый папа.

– Это новый папа, – просто сказала Леночка, когда Вени-а-мин распаковал свои вещи и разложил их по чужим местам.

– А где старый папа? – спросил львенок, приготовившись плакать.

– Старый теперь в Ленинграде.

И это была сущая правда: «старый папа», по нечеловеческой доброте своей, решил, что так будет лучше для всех.

– Почему его отправили на гастроли одного? – озадачился Лев, силясь вспомнить, что такое Ленинград, и почти уже плача.

– Его не на гастроли отправили, а просто один мальчик из Ленинграда очень просил старого папу себе, и папу отдали, – вздохнул дед Антонио. – Того отдали, а этого вот... Ве-ни-а-ми-на, – тут дед Антонио опять вздохнул, – предложили взамен.

Львенок сдержался плакать и внимательно посмотрел на нового папу:

– Потому что мы такого просили?

– Разве он тебе не нравится? – озаботилась Леночка.

– Зовут его... трудно, – честно сказал львенок.

– Зато он научит тебя считать! – выдала секрет любви Леночка.

– Я умею считать. – Львенок сосчитал до десяти и хотел было продолжать, но сбился.

– Вот видишь! – захохотала Леночка. – А новый папа научит тебя считать до ста...

– ...и уедет? – попытался подытожить за нее львенок.

– Я никогда никуда не уеду, – щедро пообещал Ве-ни-а-мин.

И львенок все-таки заплакал.

А считать новый папа начал учить его сразу же, причем не просто числа считать, а всегда что-нибудь: птиц считать, дома, деревья... потом все это складывать друг с другом или отнимать друг от друга. Львенок не понимал, зачем все вокруг нужно складывать и отнимать. В голове его одна птичка и одно дерево не равнялось двум, а равнялось птичке на дереве. А одно дерево и один дом равнялось дереву около дома. Что касается пяти коровок и трех коровок, то все они равнялись стаду. Отнимать же одного зайчика от двух зайчиков он вообще отказы-

вался: ему было до слез жалко как того одного, которого отнимали, так и тех двух, которые оставались.

– Там не два зайчика остается, а только один! – торжествующе сказал Ве-ни-а-мин и совсем не понял ответа львенка:

– Это еще хуже... Давайте я вообще не буду отнимать зайчиков, Ве-ни-а-мин, а только складывать?

– Почему? – задал глупый вопрос Ве-ни-а-мин.

– Потому что чем больше зайчиков, тем лучше!

– Это не факт, – странно ответил Ве-ни-а-мин. – И потом... не называй меня на «Вы» и «Ве-ни-а-мин»: мне это не нравится. Или я тоже буду называть тебя на «Вы».

Львенок задумался. Дед Антонио, которого он любил больше всех на свете, называл его нового папу именно на «Вы» и «Ве-ни-а-мин».

– Лучше тогда называйте меня тоже на «Вы», – махнул рукой он, а Ве-ни-а-мин рассердился и нарочно велел отнимать зайчиков друг от друга.

Тогда рассердился и львенок.

– Я отнимаю себя от Вас, Ве-ни-а-мин, – сказал он и отнял.

Математическая эта операция оказалась единственной, которую он осуществил правильно. Ибо сразу после нее Леночка отправила его к деду Антонио: жить.

– Это потому, что я отнял себя от Ве-ни-а-ми-на, – объяснил львенок, сразу забираясь на колени к деду.

– Эх, львенок ты, львенок, – вздохнул дед Антонио. – Сокровище ты мое.

Сокровищем его называл только дед. Слово было таким, как будто им щекотали, – и львенок смеялся, когда дед говорил ему «сокровище».

В общем, дед Антонио, с этого же дня раз и навсегда отказавшийся от гастролей и выступавший отныне только на Цветном, получил то, о чем мечтал, – Льва. И Лев получил то, о чем мечтал, – деда Антонио. Если учесть, что Леночка и Ве-ни-а-мин получили всего-навсего друг друга, дед Антонио и Лев сильно выиграли.

– Мы выиграли, – сказал дед Антонио, вытащил яйцо из уха Льва и спросил: – Тебе оно там не мешало?

– Нет... – растерянно сказал Лев.

– Тогда извини! – исправился дед Антонио и снова засунул ему в ухо яйцо.

Так и началась их совместная жизнь. Отныне Лев встречался с Леночкой только в цирке на Цветном. Лев прилежно обнимал ее за коленки, а она плакала и гладила его по голове, плакала и гладила по голове, плакала и гладила по голове – и так каждый раз. Иногда она спрашивала:

– Ты скучаешь по маме?

– Нет, Леночка, – честно отвечал он, – мы же часто видимся!

Со дня переезда к деду Антонио он никогда больше не называл ее «мама». Леночка удивлялась, Леночка обижалась, Леночка сердилась, но – оставалась Леночкой.

– Разве ты не знаешь, что я твоя мама? – заглядывала она ему в глаза.

– Конечно, знаю, Леночка! – не отводя глаз, отвечал он и радостно целовал Леночку в щечку... ну что было с ним делать?

«Леночкой» называл маму дед Антонио.

В цирке, во время представлений, у Льва было специальное приставное место в четвертом ряду. Правда, видели его на этом месте только тогда, когда выступал Антонио Феери, а так – он слонялся за кулисами, разговаривал с людьми и животными, валялся на соломе или поднимался в оркестр, где ему всегда были рады: никто из оркестрантов и представить себе не мог более спокойного ребенка – способного просидеть в оркестре час и не сказать ни слова.

– А тебе не хочется выйти на арену и помочь Антонио Феери, когда он выступает? – спросил его как-то Павел-Сергеевич-гобой.

– Нет, – с испугом ответил Лев и смущенно добавил: – Я же не умею колдовать...

– И мама твоя не умеет! – рассмеялся Павел-Сергеевич-гобой.

– Не умеет, – согласился Лев. – Но она там не для колдовства. Ее Антонио Феери распиливает.

– А тебя почему не распиливает? – осторожно спросил Павел-Сергеевич-гобой.

– Я же мальчик! – воззвал к его разуму Лев. – Мальчиков никто не распиливает, я спрашивал у деда Антонио. Он сказал, что иллюзионисты всегда распиливают только женщин, поскольку женщины так специально устроены.

Павел-Сергеевич-гобой, казалось, не поверил.

– Вы телевизор смотрите, когда цирк показывают? – поинтересовался Лев. – Посмотрите в следующий раз. Тогда Вы увидите, что, кроме женщин, во всем мире никого не распиливают.

С тех пор его ни о чем таком не спрашивали в оркестре. И, кстати, напрасно. Он мог бы рассказать им довольно много всего. Например, если бы его спросили об овсяной каше! В каждой тарелке овсяной каши есть такая блестящая зеленая лента: она появляется в самом конце, когда кашу уже съедят. Но если ты овсяную кашу не ешь – или не доешь, то блестящая зеленая лента ни в жизнь не появится, хоть ты что хочешь делай! Многие люди этого не знают, потому как или совсем не едят овсяной каши, или постоянно не доедают ее – ну, и, ясное дело, никогда не видели блестящей зеленой ленты. Могут, конечно, сказать: подумаешь, блестящая зеленая лента... эка невидаль, но эта блестящая зеленая лента – бес-ко-неч-на! И сколько дед Антонио ни вытягивает ее из пустой тарелки, она не кончается вообще... – иногда даже становится страшно. Страшно, только все равно интересно, и каждое утро хочется побыстрее съесть всю овсяную кашу, чтобы уже начиналась лента! Начиналась и не кончалась. А еще... еще всякие другие вещи Лев бы мог рассказать – если бы его, конечно, спросили. Например, что случается, когда не кладешь зубную щетку в стаканчик, а кладешь ее, например, на раковину в ванной. Тут не успеешь оглянуться – как зубная щетка твоя оказывается на потолке, и ее потом ужасно трудно доставать! Сам Лев, кстати, зубную щетку с потолка вообще достать не может – и дед Антонио сразу не может, даже если на край ванны станет. Единственный выход – вынимать из чулана лестницу-стремянку, забираться на нее и пытаться схватить зубную щетку... а это тоже не всегда легко. Зубные щетки – они больше всего на свете любят под потолком кружиться: как стрекозы. Ловишь ее, ловишь – измучаешься просто весь! Но дед Антонио в конце концов всегда зубную щетку может поймать... даже если на это целое утро уходит. Мою зубную щетку он научился быстрее ловить, потому что я сначала часто забывал ее в стаканчик ставить – и дед Антонио мою привык ловить. Но однажды он свою зубную щетку забыл на раковине – вот это было да! Он ее столько ловил, что нам даже пришлось перерыв на обед сделать... – и мы пообедали, а он ее только к вечеру потом поймал.

Но никто не задавал Льву вопросов про овсяную кашу и зубную щетку... сам же он рассказов про них не начинал, потому что – с какой стати? Сейчас-я-расскажу-вам-про-овсяную-кашу... – так никто не делает! И Лев просто слушал музыку или смотрел на манеж, где всегда происходили всякие вещи... или не смотрел на манеж – это если воздушные гимнасты или канатоходцы выступали. Лев боялся, что они упадут и разобьются. Но когда начинал выступать дед Антонио... Собственно, даже не дед Антонио. Собственно, даже Антонио Феери.

4. БОЛЬШЕ НИЧЕГО

Тут все дело в чем?

Тут все дело в том, что выступавший на манеже был не вполне дед Антонио – еще и потому (а честно говоря, *прежде всего* потому!) Лев не бросался на арену со своего приставного места в четвертом ряду. Нет, с одной стороны, это был, конечно, дед Антонио – какие же тут сомнения! Но с другой стороны... С другой стороны, *этот* дед Антонио никогда не смотрел на Льва, а если смотрел, то как будто не видел. Леночка – с ней все понятно: она посылала Льву воздушные поцелуи, подмигивала и даже несколько раз бросала цветок... свой человек! Но Антонио Феери... время от времени Льву казалось, что он только похож на деда Антонио и что похож он на него нарочно. Чтобы, например, Лев как-нибудь забылся и выскочил на манеж... тут-то Антонио Феери примет свой обычный образ – страшный! – и затолкает Льва в цилиндр. А потом из цилиндра вынет кролика... куда тогда денется Лев?

– Дед Антонио, – однажды все-таки набрался духу спросить он, – почему тебя в жизни зовут Антон Петрович, а на арене – Антонио Феери? Я этого... этого Антонио Феери иногда боюсь.

И тут дед Антонио сказал совершенно непонятную вещь.

– Я тоже, львенок. – Причем голос прозвучал очень серьезно.

По Льву даже мурашки побежали.

– Он... он злой?

– Он не-пред-ска-зу-е-мый.

– Что это такое?

– Никогда не знаешь, чего от него ждать. Но, если я с тобой, – совсем тихо продолжал дед Антонио, – то я его совсем не боюсь.

– Если – *со мной*? – ничего не понял Лев. – Почему?

– Потому что ты один знаешь дорогу от Антонио Феери до Антона Петровича! Тебе одному известны волшебные слова, которые могут превратить Антонио Феери обратно в Антона Петровича.

– А какие слова? – почти шепотом спросил Лев.

И услышал в ответ – тоже почти шепотом:

– Эти слова – «дед Антонио». И права на эти слова никто, кроме тебя, не имеет. Значит, никогда – никогда! – не бойся Антонио Феери. Если тебе вдруг покажется, что он подходит слишком близко – быстро скажи: «Дед Антонио!» – и Антонио Феери сразу же превратится в Антона Петровича Фертова.

– Сразу-сразу?

– Ты и глазом моргнуть не успеешь!

– Давай прямо сейчас попробуем?... – осторожно предложил Лев.

– Прямо сейчас не получится, – развел руками дед Антонио. – Антон Петрович превращается в Антонио Феери только тогда, когда ступает в манеж.

Лев почти успокоился: особенно успокоило его то, что теперь он точно знал, до каких пор дед Антонио – Антон Петрович и с каких пор – Антонио Феери. Потому что именно в этом Лев страшно сомневался. В примерной он видел не раз, как дед Антонио готовится к выступлению: кладет на лицо немного грима, облачается в черный костюм, завязывает на шее шнурочки бархатной длинной накидки, надевает цилиндр и белые перчатки... – при всем при том оставаясь дедом Антонио! Этот же дед Антонио, погладив Льва по волосам, говорит ему: «Беги, мое сокровище», – и Лев бежит за кулисы, или в оркестр, или на свое приставное место в четвертом ряду...

... а в манеже – уже Антонио Феери! Антонио Феери, которого Лев боится и – боготворит. Он даже не понимает, как отваживается Леночка быть так близко от Антонио Феери... особенно сейчас, после дедовых объяснений, не понимает. Сейчас-то уж яснее ясного, что Леночка *не имеет права* на волшебные слова – те волшебные слова, на которые имеет право *только* Лев!

Антонио Феери, ужас и восторг маленького Льва... Впрочем, хорошо все-таки знать, что бояться не надо: брось Антонио Феери на него взгляд и начни вдруг направляться к приставному месту в четвертом ряду – сразу прозвучит: «Дед Антонио!» И тут Антонио Феери не станет... Хотя, конечно, если он подойдет не очень близко – не совсем, то есть, вплотную – можно и не говорить: «Дед Антонио!» Пусть бы все-таки он подошел когда-нибудь, страшный и прекрасный Антонио Феери, – только не вплотную... Я бы не сказал волшебные слова.

Антонио Феери всегда делает одно и то же, только в разном порядке. Вынимает из цилиндра кролика, которого там не было. Опрокидывает полный бокал – и вода из бокала не льется. Открывает зонтик, потом закрывает его – и вынимает из закрытого зонтика белые хризантемы и белых голубей – голубей, которые, покружив над залом, прилетают назад и исчезают в зонтике – вместе с хризантемами. Распиливает Леночку, а потом соединяет ее. Кое-что из этого умеет и дед Антонио: он уже сто раз опрокидывал стакан с соком – и сок не выливался. Тот самый сок, который после выпивал Лев – и сок прекрасно выливался ему в живот!

– Научи и меня так!

– А ты сам попробуй.

Лев попробовал раза три... Потом они с дедом вытирали стол и пол, стирали скатерть.

– У меня не получается, видишь? Научи меня!

– Просто ты еще маленький. Это начинает получаться позднее.

– И у меня получится?

– Получится. Я передам тебе это по наследству.

– Как – «по наследству», дед Антонио?

– А вот так!.. – Дед Антонио тихонько дует ему в макушку, и с макушки Льва сыпятся серебряные блески.

– Хватит, дед Антонио, хватит! – хохочет Лев, а серебряные блески все продолжают и продолжают падать.

Но вот распиливать Леночку и пускать голубей летать кругами дед Антонио, кажется, не умеет... или умеет?

– Дед Антонио, ты мог бы распилить Леночку?

– Да Господь с тобой, львенок... что тебе только в голову приходит? – спрашивает дед Антонио с ужасом, и от этого ужаса вилка, которой он ест яичницу, ломается в его руках пополам. – Как же я потом соединю Леночку опять? – Он складывает две половинки вилки, задумчиво смотрит на них, качает головой – и вдруг принимается есть яичницу той же самой вилкой, только теперь снова целой!

Может быть, в деде Антонио все-таки и правда сидит Антонио Феери? Или это в Антонио Феери сидит дед Антонио?

Маленький Лев не знал, какой из этих двух возможностей желать сильнее. Сколько раз он уже прятался где-нибудь возле форганга – и, затаив дыхание, ждал, ждал, ждал. Дед Антонио и Леночка всегда появлялись вместе. «Антон Петрович... Леночка, – с Богом!», – говорил ш-п-р-е-х-ш-т-а-л-м-е-й-с-т-е-р Бруно, и Антон Петрович, подтолкнув на арену Леночку, вздохнул и делал шаг в кулисы. Лев тут же припадал к круглой дырке в доске – и через мгновение видел шаг из кулис: во всем своем великолепии Антонио Феери приветствовал публику сдержанным кивком. И ни разу, ни единого разу Льву не удалось поймать тот миг, когда Антон Петрович превращался в Антонио Феери.

А кулисы были грязными и пахли лошадьё...

Антон Петрович бросал быстрый взгляд на приставное место в четвертом ряду: маленький Лев осторожно крался к креслу – интересно-где-его-до-этого-носило-диких-же-зверей-полно-кругом-господи-господи-как-я-люблю-этого-ребенка-как-я-его-люблю!

– Не хохочи, Леночка, я тебя скоро пилить начну!

Иногда Антону Петровичу Фертову теперь казалось, что в жизнь он пришел в тот же самый день, в который и Лев. И что до этого никакой жизни у него, Антона Петровича Фертова, не было. Ему было стыдно за такие мысли – стыдно перед всеми вокруг, перед мертвыми и живыми, перед Джулией Давнини, перед Леночкой, перед Господом Богом. Ибо никто и ничто не имело для него значения с того самого момента, когда он впервые взял на руки этого львенка и заглянул ему в глаза. Оба они, львенок и он, поняли тогда, что главная встреча в жизни каждого из них произошла. Теперь Антон Петрович Фертов знал, куда ему...

– Вам куда, Антон Петрович, я подвезу!

– Мне-к-дочери-спасибо-если-можно.

Хоть и ни при чем тут дочь! Дочь пятнадцать лет росла под неусыпным присмотром женщины-змеи, неверной жены и преданной матери, в один ужасный день исчезнувшей между камнями. Росла, росла и – выросла, заметив присутствие Антона Петровича уже будучи в возрасте невесты, по достижении которого тотчас же прыгнула в объятия Резы Абдурахманова на лихом коне: так поступают все дочери, дело известное, дело обычное.

Но там – там! – есть младенец: он улыбается Антону Петровичу такой улыбкой, какой никто и никогда не улыбался ему.

– Па-ап, он в тебя влюблен просто!

Леночка пока ревнует: ребенок слишком нов. Но новым он будет недолго. Его немножко поподбрасывают в воздух, поподкидывают случайным людям, повозят по гастролям, потаскают за собой на свидания, поучат складывать и отнимать... скоро, уже очень скоро он перестанет быть новым.

И, не нового, его наконец вручат Антону Петровичу. А там уж Антон Петрович жизнь за него отдаст.

К одному только не был готов Антон этот Петрович – к тому, что сам он перестанет быть старым шарлатаном, морочащим публике головы.

Он превратится в волшебника.

В божество.

В демиурга.

И на старости лет Антон Петрович Фертов понял, что такое фокус.

Об этом на защите дипломов он говорил выпускникам циркового училища. В ГЭК его обычно приглашали в качестве свадебного генерала: во-первых, заслуженных артистов республики в цирке тогда было не сказать чтоб каждый, во-вторых, он как никто другой мог оценить чистоту «ручной работы» выпускника. Антон Петрович любил мастерство и не любил болтовни о мастерстве. И вдруг – пожалуйста – разразился речью – уже когда комиссия складывала бумажки, а измученный малолетний внук свадебного генерала, которого тот зачем-то привел с собой, почти сорвался с места...

– Фокус, – начал Антон Петрович Фертов, обращаясь к единственному иллюзионисту на потоке, – не только самое древнее, но и самое необходимое человечеству искусство. Христос начинал как фокусник. Вы начинаете – как Христос. Помните, куда он шел, потому что Вам – туда же. Фокус – это то, чего не бывает. Из пустого цилиндра вынимают кролика. Простой фокус... ему две тысячи лет. Но две тысячи лет фокус этот – живет. И две тысячи лет публика знает, что он – обман. Знать-то знает, а он – сомневается: вдруг не обман? Две тысячи лет сомневается публика, две тысячи лет опирается на шаткую подставочку «вдруг» – этого «вдруг», в котором-то все и дело. Вдруг кролик действительно возник – из ничего, из воздуха, из мольбы иллюзиониста: возникни!

Публика *хочет* верить. Она говорит: «Не верю!» – но *хочет* верить. Она говорит: «Фокус – это искусство, а искусству верить нельзя», – но *хочет* верить. Ей страшно, что искусству верить нельзя. Если нельзя верить искусству – ничему нельзя верить. Ибо чудо ниоткуда больше не придет: оно нигде больше не водится. Чудо водится только в искусстве – потому что прежде искусство было мифологией, полной чудес. Потом искусство было религией, полной чудес. Но в нашей повседневности, здесь и теперь, мифология и религия отзываются только далеким гулом.

– Аминь, – сказал председатель комиссии и посмотрел на часы.

– А вере в чудо требуется подпитка, – продолжал Антон Петрович Фертов, не услышав «аминя». – Людям недостаточно передавать истории о чудесах из уст в уста. Им недостаточно читать о чудесах в книгах. Время от времени каждому из нас надо *видеть* чудо своими глазами. Тут-то из пустого цилиндра и извлекается кролик – усилием совокупной воли человечества, и воля извлечь кролика из цилиндра оказывается сильнее того факта, что кролика там нет. Фокусы – единственное, что не дает иссякнуть вере. Мир стоит на фокусе... и, может стать, самый мир – только чей-то фокус: кролик из пустого цилиндра... м-да.

Антон Петрович Фертов вздохнул и – опомнился. И с удивлением посмотрел на присутствующих. Члены комиссии принужденно улыбались. Из группы выпускников раздалось два-три хлопка – смолкло.

– Эко меня... – усмехнулся Антон Петрович, – ...повело. – Он опять оглядел все более и более натянуто улыбающихся членов ГЭК и теперь уже сухим, цирковым, голосом сказал: – Вы похожи на трех кроликов, которых всех вместе вынули из одного цилиндра.

Кто-то из выпускников прыснул.

– Успехов! – коротко и общо попрощался свадебный генерал и покинул свадьбу в обществе внука, пару раз с интересом оглянувшегося на трех улыбчивых кроликов.

Ничего страшного, пусть послушают! Он уже лет сорок разговаривал с миром руками. Словно глухонемой. Вот они, наверное, и решили, что Антонио Феери глухонемой... но Антонио Феери не глухонемой – он как тот мальчик, который после пяти лет молчания вдруг произносит за завтраком: «А гренки-то подгорели!» Так и Антонио Феери: заговорил – только когда уже подгорели гренки. Не раньше. В последний момент – на пороге самого выпуска. Выпускникам нужно было услышать какую-нибудь напутственную речь, благословение какое-нибудь принять... потому что все вокруг с ума посходили: дают в руки молодому человеку хоть вот и такую страшную силу – фокусы – и просто выпихивают в мир, чуть ли не пинком: иди живи! «Фокусничай!» Они там нафокусничают...

– Дед Антонио! – сонный львенок изо всех сил пытается не заснуть.

– Спи, львенок!

– Нет, ты скажи мне сначала: весь мир – это чей фокус?

– Мой, – смеется дед Антонио. – Весь мир – это мой фокус. Вот посмотри вокруг: есть мир?

Сонный львенок с трудом обводит глазами спальню:

– Есть...

– А теперь? – спрашивает дед Антонио в полной темноте, повернув выключатель. – Есть теперь мир?

– Нету... – с ужасом отвечает Лев из темноты. И через секунду просит: – Дед Антонио, сделай мир обратно!

И дед Антонио делает мир обратно. Он знает, что Лев никогда не спит в полной темноте: у Льва кружится голова, когда он встает с постели. А врачи только разводят руками, ничего не добавляя к прежнему диагнозу: есть признаки кислородного голодания мозга. Почему, почему львенку должно не хватать кислорода, когда всем вокруг – хватает? Почему львенок постоянно

такой бледный? Почему иногда он вынужден присесть от того, что перед глазами у него, говорит, какие-то точки?

– Это пройдет, – сказал деду Антонио Сергей Иванович, нейрохирург, обследовавший Льва. – Так часто бывает у детей и подростков. У подростков чаще, чем у детей, но и у детей бывает – особенно у гиперактивных.

Лев не гиперактивный. Лев – самый спокойный ребенок, которого в своей жизни встретил Антон Петрович.

– Это он внешне спокойный, а внутри вполне может быть гиперактивный. Мы же не знаем, что у него внутри!

Антон Петрович треплет Льва по волосам.

– Что у тебя внутри, львенок?

Лев поднимает на деда удивленные глаза:

– Душа.

– А еще что?

– Больше ничего.

5. СДЕЛАЙ ТАКОЙ ФОКУС!

Знать бы, о чем он думает...

– О чудесах, – отвечает Лев, словно услышав вопрос деда Антонио, – и дед Антонио качает головой, полагая, что говорит вслух.

И выходит на кухню.

И там, на кухне, вдруг вспоминает, что пятница уже послезавтра. Ах-ты-боже-ж-ты-мой... Та пятница, когда Льва к Леночке везти. Время от времени Леночка желает «получить Льва на выходные». Она прямо так и говорит – слава Богу, не каждую неделю: «Могу я получить Льва на выходные?» Распишитесь-в-получении!..

Антон Петрович все еще не напомним об этом Льву: у Антона Петровича не хватает мужества. Никогда не хватает мужества – проходя мимо Льва, бросить как бы невзначай: «Да, львенок, чуть не забыл, с пятницы до воскресенья ты у мамы!» И – не смотреть на него, ни в коем случае на него не смотреть: смотреть на... вот в окно смотреть – на стену соседнего дома. Но сколько можно смотреть на стену соседнего дома? Когда-никогда, а придется ведь встретиться глазами со Львом! Он, конечно, не будет плакать – плакал он, когда был совсем маленький, хотя... вот и год еще назад плакал: молча и без-у-теш-но – слезы текли и текли, но – ни звука. Только редкие всхлипы: дыхание перевести. Сейчас уже не плачет. Сейчас просто смотрит на деда своими ренессансными глазами и спрашивает – вслух или глазами же: «И совсем ничего нельзя сделать?»

– Но... львенок! Ничего и нужно делать – должен же ты навещать маму хоть иногда... или как? Маму и... и Ве-ни-а-ми-на.

– Должен, – кивает Лев. – А ты забереешь меня в пятницу вечером?

Ох, знает Антон Петрович, наизусть знает, куда пойдет сейчас этот разговор!

– Леночка... мама вообще-то просила до воскресенья.

– Это она просто так, дед Антонио. А на самом деле в пятницу вечером они уже меня не хотят, правда! Я же вижу... Если я у них, они все время нервничают. И не знают, что им делать... что со мной делать!

– Это потому, что ты важный гость, – улыбается дед Антонио.

– Ве-ни-а-мин подушки в меня кидает, прямо в лицо... а Леночка хохочет. Потом Вениамин говорит: «Хватит». И сразу начинает мне книжки читать. Те, которые там... когда я маленький был совсем. «Наша Таня громко плачет»... И он смотрит на меня. И спрашивает: «Наша Таня громко плачет... понимаешь?» Я тогда на Леночку смотрю. Но она тоже меня спрашивает: «Понимаешь?» Что мне понимать?!

– Терпи, – разводит руками дед Антонио. – В субботу с утра на улицу, может быть, пойдешь... к другим детям.

«Боже, что я... зачем я? Он же не ходит на улицу!»

– Я не люблю детей, дед Антонио.

Лучше бы Лев выкрикнул это ему в лицо: может быть, хоть тогда дед Антонио запомнил бы наконец, что Лев не любит детей. Но Лев не кричит никогда, он и сейчас сказал это совсем тихо – даже безо всякой укоризны: как же ты, дескать, забыл-то... И голос чуть ли не виноватый: «Я не люблю детей, дед Антонио». Если узнает Леночка – Льва затаскают по докторам. Приходится скрывать и это – точно так же, как давно уже приходится скрывать одну странную особенность Льва, замеченную дедом Антонио сразу после того, как Льва отправили жить к нему: ребенок спал с открытыми глазами. В первую ночь дед Антонио осторожно вошел в спальню, которая отныне и навсегда принадлежала Льву, – полюбоваться на свое свалившееся с неба сокровище, и при свете ночника (уже тогда дед Антонио знал от Леночки, что Лев не может спать в темноте) прямо с порога увидел ренессансные глаза внука, глядевшие на него.

Тогда дед Антонио, помнится, ужаснулся тому, что Лев еще не спит, – времени было около часу ночи, – и тихо как мог спросил: «Ты что, Лев?» Тот не отвечал... дышал глубоко, ровно, но от этого почему-то жутко сделалось деду Антонио – и он едва удержался, чтобы не броситься ко Льву и не начать тормошить его. Впрочем, выдержки, слава Богу, хватило – и дед Антонио просто еще раз задал тихий свой вопрос. Снова не дождавшись ответа, он подошел к внуку чуть поближе и принялся изучать его. Лев явно спал, хоть, казалось, и смотрел на деда в упор, не мигая. Зрачки были расширенными, но в глазах – покой... Понятно, что этой ночью дед Антонио уже не уснул. А на следующий вечер, вконец зачитав Льва «Андерманиром штук», дождался момента, когда внук закроет глаза, но из спальни не ушел – остался сидеть на краю кровати. Глаза Льва открылись через минуту-другую, когда тот крепко заснул.

Утром Лев ошарашил деда вопросом:

– Деда, ты зачем в гости приходишь, когда я сплю?

– На тебя посмотреть, – вмиг облившись холодным потом, ответил дед Антонио.

– Понятно. А то я не знал зачем.

Получалось, что Лев видел во сне – или, во всяком случае, запоминал (глазами?) происходившее вокруг него. Говорить с ним на эту тему смысла, наверное, не имело... что мы и вообще-то знаем о себе – спящих? Тем более – когда мы дети. Ох, не трогать сейчас Льва, не наталкивать его ни на какие мысли. Лишние мысли.

Леночке о том, что Лев спал с открытыми глазами, было определено ничего неизвестно – иначе она, вне всякого сомнения, подняла бы переполох: переполох она поднимала по любому поводу. Если бы дед Антонио мог возненавидеть Леночку, за шесть лет жизни со Львом не успевшую заметить в ребенке этой странности, то, конечно, возненавидел бы. Да только что толку-то... первой ее реакцией так и так было бы какое-нибудь: «Па-ап, это же ненормально! С этим же надо что-то делать!» Но никогда не надо ничего делать с тем, с чем непонятно, что делать. И вообще... страшное такое стремление: *делать* – в любом случае. Философия делания. Люди-добрые-делайте-же-что-нибудь!

Будды на этих добрых людей нету.

Сам дед Антонио с новым своим знанием и новой своей тревогой не делал ничего. Да и куда бы ему с ними податься, скажите на милость, – не к врачу же и впрямь! Доктор-мой-внук-спит-с-открытыми-глазами, доктор-мой-внук-видит-во-сне...

Награда за ничегонеделание воспоследовала сразу же – пришла откуда не ждали. Один раз днем по учебному каналу, который дед Антонио иногда просто так включал, обсуждалось что-то из истории книгоиздания. Непонятно как оказавшись у телевизора, Лев, до этого возившийся в своей комнате, вдруг начал звать деда:

– Дед Антонио, львенка показывают!

Львенок на старинной книжной миниатюре напоминал, скорее, грызуна... кого-то из грызунов, но закадровый текст, звучавший в этот самый момент, попал деду Антонио непосредственно в сердце, чуть не свалив старика с ног. Древнерусский такой текст, полупонятный... но запомнившийся – навсегда. Отныне дед Антонио по желанию мог вызывать этот текст в своем сознании, и вот что странно: не забывался текст-то... а все – забывалось!

«Второе естество лвово. Егда спит, а очи его бдита. Тако и Господь наш рече ко иудеом, якоже: Азъ сплю, а очи мои божественныа и сердце бдита».

Такое вот, значит, дело... не шуточное: «второе естество лвово». Знать бы, сколько у него вообще «естеств» – только два или больше?

Но – покойнее стало деду Антонио, хоть по привычке и поживался он всякий раз, встречая на себе застылый взгляд спящего Льва... Впрочем, друг один, врач фронтовой, Митя, посоветовал Антону Петровичу последить за внуком еще немножко, а потом все-таки показать его офтальмологу: пугать, дескать, не стану, но всякое может быть...

– Львенок, тебе сны снятся?

– Это как так, деда... «сны – снятся»?

– Ну, когда ты... э-э-э, глаза закрываешь – ты что видишь? (Ах, дед Антонио, старый ты хитрец!)

– Ничего не вижу. Нельзя же видеть с закрытыми глазами!

Можно, львенок. Много чего можно видеть с закрытыми глазами. Но об этом мы с тобой как-нибудь потом поговорим, придет еще такое время. А пока давай все-таки разберемся с этим твоим я-не-люблю-детей... Ужасно представлять себе субботне-воскресного Льва, выталакиваемого на улицу «поиграть»...

– Львенок, ты *не можешь* не любить детей. Ты же сам ребенок, подумай!

– Я думал, дед Антонио.

– И что придумал?

– Что я их все равно не люблю.

– Да почему ж такое-то?

– Они недрессированные все. – И, через паузу: – Мы недрессированные все.

– Так ты и себя не любишь, львенок?

– Конечно, не люблю! Я тебя люблю. А ты, деда, себя любишь?

Оп-ля!.. Вот и отвечай теперь что хочешь, дед Антонио. Интересно, как ты из этого положения выкрутишься... – ну-ка, любишь ты себя, дед Антонио, а?

– Я не знаю, львенок. Я не знаю, люблю ли я себя.

Только бы прекратился этот разговор: не выйти из него живым деду Антонио. Не готов дед Антонио, не решил он для себя, никогда решить не мог, в каких он с собой отношениях! Ему и то даже неизвестно, надо ли оно – любить себя? Лучше ли оно, чем не любить себя... Как – правильно?

– *Я не знаю, люблю ли я себя!*

– Ничего, – беспечно отвечает Лев. – Зато я знаю. Ты, деда, себя не любишь – ты меня любишь. Вот.

И так, значит, устроен мир. А он-то, дурак старый, мучается! Между тем как любовь неделима: или любишь одно – или другое, чего ж проще? И радоваться бы деду Антонио, да только тревожно ему... не за себя, понятное дело, – за Льва. Что для него, значит, дети – звери... откуда такое? Антон Петрович, конечно, клянет одного себя: глупая, глупая, глупая была затея начать называть Льва «львенком»... но уж больно не хотелось – «Лёвой»! Да нет... не может же Лев всерьез не понимать, что «львенок» – это просто такое обращение дурацкое!

– Лев, а Лев... Скажи мне, если ты «львенок», то кто – «лев»?

– Ты. Лев – царь зверей. А львенок – царевич зверенышей.

Ох-хо-хо...

– Дед Антонио, я придумал! Я в пятницу к Леночке с Ве-ни-а-ми-ном приеду – и сразу на улицу попрошусь, на весь вечер, и в субботу на улицу, и в воскресенье – на полдня, пока нам назад, домой, не ехать...

«Просить, что ли? Неужели – свершилось?»

– И... что на улице?

– А ты на детскую площадку будешь приходить – и мы побежим с тобой куда-нибудь!

«По-бе-жим... Мне седьмой десяток!»

– Так нельзя, львенок. Потому что потом ты будешь вынужден врать. Леночке. Или Ве-ни-а-ми-ну. Если они спросят, чем ты на улице занимался. Нельзя врать.

И – серьезный-пресерьезный взгляд ренессансных глаз:

– Они никогда не спросят, чем я на улице занимался... Деда, а нельзя, чтобы Леночка заболела? Сделай такой фокус!

6. ТО ЕСТЬ, АГНЕЦ АГНЦЕМ

Лев всегда это знал. Что настанет время, когда ему *придется* идти в школу. В прошлом году об этом просто поговорили и решили подождать: Льву тогда еще до семи лет сколько-то месяцев не хватало. Семь должно было исполниться только «той зимой», но *та* зима уже прошла. А значит, в этом-то году уж точно надо поступать в первый класс. И быть среди детей. Он, правда, догадывался, что в школе есть дрессировщики, но...

- Дед Антонио, научи меня всему сам.
- Всему – научу. Но остальному учат в школе.
- А ты сделай фокус, чтобы они обо мне позабыли!
- Кто – «они»?
- Которые учат остальному! Сделаешь фокус?

Опять и опять... Это давно уже стало постоянным мотивом – «а-ты-сделай-фокус»! Для львенка нет ничего невозможного в мире. Плохо. Хоть бы он захотел чего-нибудь... как другие дети хотят. Чего-нибудь, что я не могу! «Дед Антонио, я хочу слона». И тогда бы сразу выяснилось, что я не бог! И все стало бы на свои места.

- Львенок, почему ты никогда не попросишь у меня слона?
- Слона?

– Ну... одного из дяди-Пашиных слонов. Самого маленького, например – Цезаря! Почему ты никогда не скажешь мне: «Я хочу Цезаря»?

- Сюда, к нам? – тревожно интересуется Лев.

Дед Антонио кивает, но вынужден отвести глаза: Лев смотрит на него как на умалишенного... слона – в дом?

Нет, Лев не хочет ничего извне: во внешнем мире нет у него никаких потребностей. Иногда Антону Петровичу кажется, что, не покупай он Льву, например, книг и игрушек, тот просто жил бы без книг и игрушек: ему и в голову не пришло бы, что книги и игрушки – это то, чего можно хотеть или просить. Единственное, что он просит, – «Андерманир штук»: «Деда, скажи про андерманир штук – скажешь?»

То было когда-то давным-давно залетевшее в тогда еще черноволосую голову маленького Антона Фертова нечто... стишок не стишок, прибаутка не прибаутка – не поймешь что, одним словом! Да и правильно ли запомнилось – неизвестно. «Только, Лев, не спрашивай меня, откуда этот андерманир штук, – разводил впоследствии руками дед Антонио. – Его ветром в меня занесло. Так горожан, кажется, на всякие праздничные зрелища зазывали... скорей всего, еще до моего рождения».

Лев с детства был уверен в том, что это колыбельная. В первую же его ночь у деда Антонио тот взял да и рассказал ему андерманир штук: Лев засыпать никак не хотел – и, что вы думаете, заснул как миленький! А на следующую ночь и сам уже попросил андерманир штук – да ради Бога... «У всех колыбельные как колыбельные, а у тебя андерманир штук», – смеялся дед Антонио.

Андерманир штук долго оставался для Льва любимым завершением дня. Конечно, дед читал ему сказки, читал стихи, читал всякую всячину, но внезапно Лев терял интерес ко всему на свете и говорил: андерманир штук.

И тогда...

А вот, господа, андерманир штук – хороший вид, город Палерма стоит, барская фамилия по улицам гуляет и нищих тальянских деньгами оделяет.

А вот, извольте видеть, андерманир штук – другой вид, Успенский собор в Москве стоит, своих нищих в шею бьют, ничего не дают.

А вот андерманир штук – другой вид, город Аривань стоит, князь Иван Федорович въезжает и войска созывает, посмотри, как турки валяются, как чурки.

А вот, государыни, андерманир штук – еще один вид: в городе Цареграде стоит султан на ограде. Он рукой махает, Омер-пашу призывает: «Омер-паша, наш городок не стоит ни гроша!» Вот подбежал русский солдат, банником хватить его в лоб, тот и повалился, как сноп.

А вот, друзья, андерманир штук – город Вена, где живет прекрасная Елена, мастерица французские хлебы печь. Затопила она печь, посадила хлебов пять, а вынула тридцать пять. Все хлебы хорошие, поджарые, сверху пригорели, снизу подопрели, по краям тесто, а в середине пресно.

А вот, господа, андерманир штук – город Краков. Продают торговки раков. Сидят торговки все красные и кричат: раки прекрасные! Что ни рак – стоит четвертак, а мы за десяток дивный берем только три гривны, да каждому для придачи даем гривну сдачи.

А вот андерманир штук – город Париж, поглядишь – угоришь, где все по моде, были б денежки в комоде, барышни на илюпках, в широких юбках, в шляпках модных, никуда не годных. А кто не был в Париже, так купите лыжи: завтра будете в Париже.

Между прочим, с первой ночи и навсегда андерманир штук стал самой главной тайной Льва. Почему... ах, да кто б еще знал, почему что-то становится нашей главной тайной!

Маленьким он часто спрашивал деда Антонио:

– Деда, ведь андерманир штук – мой? Только мой?

– Твой, – успокаивал его дед Антонио. – Конечно, твой. Все в этой комнате твое. Да и не в этой комнате...

– Нет, – упирался Лев, – мой – один андерманир штук. Остальное – общее, всех людей.

Вот и поговори с ним!

– Львенок, давай за апельсинами в очередь станем?

– Давай.

В очереди проведен час: за этот час Антон Петрович успевает рассказать Льву про всю войну – от сорок первого до сорок пятого.

Наконец у них в руках сетка с апельсинами!

– Лев, хочешь апельсинчик?

– Нет.

Какой-то у него паралич всех желаний... Может быть, это действительно от того, что ничего невозможного для него нет? Захоти он что угодно – дед Антонио тут как тут: Луну с неба достанет!

И ведь достанет...

– Хочешь санки – как вон у того мальчика?

– Нет.

От-тор-же-ни-е.

Любой ребенок тащит снаружи – внутрь. Направление желаний Льва – изнутри наружу. А-ты-сделай-фокус! Сделай, значит, так, чтобы то, что снаружи, внутрь не попало... так, стало быть, и осталось снаружи – и даже еще дальше бы отодвинулось. Словно у Льва внутри места вообще нет. Куда-ты-сюда-со-своими-санками-когда-у-меня-тут-душа!..

Ближе к лету начали поговаривать даже о двух школах: одна от деда поблизости, другая – от Леночки. И будто бы без конца решали, решали – и решить не могли, какую же из них все-таки выбрать... Лев слышал, что об одной говорили как о школе *с уклоном*, о другой – как о школе *без уклона*. «Только бы сразу в обе не отдали!» – с ужасом думал он.

Сам Лев хотел во вторую школу, *без уклона*, – потому что рядом с дедом. Но все якобы зависело от Леночки. И, выходило, по-Леночкиному, что его все равно отдадут в школу *с уклоном*. Жить ему в таком случае надо будет «у родителей».

«А-ты-сделай-фокус – чтоб без уклона!»

Самое важное для Антона Петровича (не для Льва, но Льву этого сейчас не втолковать), что уклон – в английский. И что Льву, когда он окончит школу, – все пути открыты. Да и жить, наверное, лучше дома: привыкать надо. Потому что... никто ведь не знает, сколько ему, Антону Петровичу, чего осталось. Впрочем, как бы там ни было, выбор – за Леночкой. Мне не сделать этого фокуса...

– Мне не сделать этого фокуса, львенок.

Львенок не верит – и улыбается: святая простота.

– Видишь ли... – Антон Петрович пытается звучать убедительно, – фокус можно сделать только тогда, когда ты уверен, что...

– Когда я уверен?

– И ты – тоже! Но вообще – когда *любой человек* уверен, что фокус делать – надо. А я в этом не уверен, львенок. Та школа, которая около мамы, она действительно очень, очень хорошая.

– Потому что *с уклоном*?

– Именно поэтому, – улыбается дед Антонио.

Лев не понимает, но, засыпая, пытается представить себе школу с уклоном.

Школа стоит на горе – и в ней все кривое, когда находишься внутри: кривой пол, кривой потолок... даже мебель кривая. И школа медленно сползает вниз по горе. Вот уже Лев вынужден перепрыгнуть с пола, который накренился настолько, что не устоять, на стену... то есть на то, что раньше было стеной, но теперь у него на глазах становится полом. Лев быстро вскакивает с кровати, чтобы успеть поменять положение...

– Господи, львенок!..

Дед Антонио делает ему холодные примочки: Лев упал, ударившись лбом о порог – к деду бежал.

– Дед Антонио, школа, которая *с уклоном*, она ползла вниз, прямо в пропасть...

– Тебе начали сниться сны, слава Богу! Снов не надо бояться, они всем снятся, когда люди спят.

– Я же тогда не спал еще, когда школа вниз ползла! А «сны» – это как?

Он не понимает, что такое сон. Или действительно не видит снов? Мы, вообще-то говоря, с какого возраста сны видим? Странно... дед Антонио никогда не думал об этом. И не помнил, когда сам впервые увидел сон – или когда *понял*, что увидел сон. Да и сна тоже не помнил, хотя ведь, казалось бы, – такое событие!..

Падение, к счастью, не имело иных последствий, чем синяк во весь лоб, – Антон Петрович заметил только, что Лев, нервничавший было по поводу выбора школы, стал опять спокойным. Антон Петрович не знал, радоваться ему или нет.

– Лев, – осторожнее некуда спросил он, – ты какой язык хочешь учить?

– Французский. Потому что на нем во Франции разговаривают.

– Ммм... боюсь, что в школе рядом с мамой только английский преподают, – ты как насчет английского?

– *Та* школа сползла в пропасть, дед Антонио.

– Ну-ну...

От гастролей дед Антонио, конечно, опять отказался: «У меня внук в-первый-раз-в-первый-класс, Вы с ума сошли?» Леночка же, из-за отцовских «капризов» снова вынужденная отправиться якобы на больничный, ибо распиливать на гастролях ее было некому, неожиданно прибежала к Антону Петровичу прямо с больничного в самом начале августа – совершенно заплаканной.

Чмокнув в прихожей Льва (какой-ты-большущий-стал-Аленка-вот-тут-хочешь-нет-небось!), она пулей-дурой влетела в кабинет деда Антонио и мало того, что захлопнула дверь, – даже еще и заперла ее изнутри. Потому-то Лев пока и не узнал, а Антон Петрович не только

узнал, но и прочувствовал следующее: к сожалению, настало время расстаться с Ве-ни-а-ми-ном, несмотря на то, что он инженер-конструктор, в то время как Геннадий гребец... правда, не простой, а а-к-а-д-е-м-и-ч-е-с-к-и-й.

– Гре...бец? – едва сартикулировал дед Антонио. – Он как-то, похоже, забыл, что в мире бывает гребля. – Один гребет – или на галере?

– «Каноэ» это называется, – отвернулась Леночка.

– Ты, что же... м-да. Как знакомятся с гребцами? Вы познакомились, когда он... греб?

– Па-ап... ну, веди ты себя прилично!

Кустистые брови Антона Петровича взлетели чуть ли не над головой:

– Леночка... имей же снисходительность, ты первая этот разговор начала!

Ей стоило большого труда не сорваться: сорваться в *данный момент* было никак нельзя. Впрочем, момент оказался совсем не таким ответственным, как ей представлялось.

Конечно, Лев может продолжать жить здесь – без вопросов. Понятно, что Лев не поверит, если сказать, что и второго его папу захотел какой-то мальчик: таких мальчиков не бывает... почему я жестокий? Я просто видел Ве-ни-а-ми-на! Бог с ней, с английской школой – Льву все равно, как выяснилось, французский нравится, а тутошняя школа тоже хорошая.

– Па-ап, ты только Льву про Геннадия пока не говори, ладно? Мне кажется, еще рано.

– Можно и вообще не говорить!

– То есть? А когда он придет ко мне и найдет там совершенно другого человека?

– Думаешь, еще найдет? – усмехнулся Антон Петрович.

А вот тут можно было уже и сорваться. Именно так Леночка и поступила, сказав па-апе ровно столько гадостей, сколько, по ее представлениям, должно было хватить, чтобы не появляться «в этом доме» весь отпуск и даже еще чуть-чуть.

– Лееев! – взревела она в прихожей.

Испуганный Лев стал перед ней как лист перед травой или наподобие.

– Во-первых, когда тебе приносят шоколадку, неприлично оставлять ее в коридоре.

– А во-вторых? – спросил Лев.

– Во-вторых? Только если между нами...

– Это как – «между нами»? – Ягненок ягненком... то есть, агнец агнцем.

– Неважно! Я должна уйти сейчас, меня дедушка очень обидел. Так что... мы теперь не скоро увидимся.

– Ничего.

Если бы Леночка не была *уже* обижена, ее, может, и задело бы это «ничего». Но на таком фоне, конечно, не задело. Тем более, что ягненок ягненком. То есть, агнец агнцем.

7. МНЕ КАЖЕТСЯ, ОН УЕХАЛ В ИТАЛИЮ...

В школу-ту, которая никуда не сползла, обычную, – дед Антонио повел внука «записываться» на следующий день.

– Антонио Феери... да мы просто глазам своим не верим! – засуетились и молоденькие записчицы, и какая-то брошенная сюда благосклонною фортуною затрапезная родительская пара – с толстым чадом девичьего пола, тоже записываемым в первый класс. Кстати, чадо тут же подошло ко Льву и сказала басом:

– Меня Вера зовут. Я хорошая девочка. А ты?

– Не знаю, – сказал Лев и улыбнулся нелепому ребенку. – Я Лев.

– Ле-е-ев? – оторопела хорошая девочка, но ее тут же принялись записывать, и она больше не отвлекалась.

Зато свободные записчицы устроили бурный флирт с Антонио Феери, *совершенно* просто не записывая Льва, которого тоже неплохо было бы записать. Антон Петрович хотел напомнить им об этом, да ослобенел: он увидел, что Лев разговаривал с *другим* ребенком. И более того: тот же самый Лев, почувствовав, что им пока не занимаются, подошел к записчице, обрабатывавшей толстое чадо девичьего пола, и, дождавшись окончания обрабатывания, сказал:

– Запишите нас, пожалуйста, в один класс... можно?

– Конечно, конечно! – скромным полевым цветком расцвела записчица и бросила кроткий взгляд на широко улыбавшегося и неизвестно почему качавшего головой Антонио Феери. – В первый «А».

– А если это любовь? – скосила глазки сразу на Антонио Феери и на толстое свое чадо девичьего пола мамаша из состава родительской пары.

Игнорируя окосевшую, Антон Петрович обратился ко всем записчицам сразу:

– И ежели, стало быть, Вы не посадите их за одну парту, я превращу вас всех в... в хризантемы!

– Это такая угроза? – тоненько прыснула самая находчивая.

В общем, запись в школу превзошла все ожидания всех.

– Хоть бы каждый день тебя в школу записывал! – сказал дед Антонио по дороге домой.

Лев думал о своем и, казалось, не слышал.

Самая находчивая из записчиц, по имени Алевтина Георгиевна, стала его учительницей. Первое, что она сделала, – это посадила Льва за одну парту с Верой. Вера просияла, а Лев знал, что так и будет.

Дети оказались не такими неприятными, как ожидал Лев. Они были тихие – и многие даже выглядели дрессированными. Так что Лев решил потерпеть их общество, сколько сможет. У каждого из них, как и у Льва, было с собой по большому букету цветов. Все они сложили цветы на стол Алевтины Георгиевны, и Вера тихо сказала Льву:

– У меня бабушка умерла. На нее тоже много цветов положили. У тебя есть бабушка?

– Нет, только дедушка, – ответил Лев. – Бабушка была змея.

Вера с восхищением посмотрела на Льва:

– Понима-а-аю...

В остальном же в школе было не очень интересно – и Лев скучал по деду Антонио. Теперь они виделись гораздо меньше: дед Антонио перестал брать Льва в цирк на Цветном, потому что в жизни Льва появилось новое занятие, которое называлось «учить уроки». Когда он заканчивал «учить уроки», дед Антонио еще был в цирке. Леночку же Лев не видел с того самого дня, когда она ушла, так сильно хлопнув дверью, что фотография женщины-змеи в прихожей упала на пол... стекло разбилось. Дед Антонио, помнится, только покачал головой и пару раз вздохнул, подметая осколки.

– Ты скучаешь по своей бабушке? – спросил Лев Веру.

– Очень, – сказала Вера и заплакала.

– А я скучаю по деду Антонио, – признался Лев. – Он поздно приходит из цирка... я уже почти всегда должен в это время спать.

– Но он же не умер! – укорила его Вера. – А в цирк мы можем ездить на троллейбусе. Я знаю как.

На следующий день они встретились на троллейбусной остановке.

– Давай пойдем в кусты, – сказала Вера. – Мне там надо кое-чего разбить.

В кустах она взяла камень и раскурочила им маленький деревянный домик красного цвета, который до этого держала в руках.

– Тут деньги, – объяснила она. – Я их копила. Надо платить, когда на троллейбусе едешь.

– Разве детям надо?

– Надо. С семи лет.

Они разделили деньги пополам. Каждый сам купил себе билет. Оказалось, Вера точно знала, где выходить. Зато Лев точно знал, как проникать в цирк со служебного хода. Анастасия Леонтьевна приветливо помахала ручкой: «К дедушке?»

Приставного места в четвертом ряду не оказалось – и они просто сели на ступеньки. Вера призналась, что была в цирке только два раза в жизни. Смотреть с ней давно знакомые номера показалось Льву гораздо интереснее, чем одному: Вера так ахала – закачаешься!

Антонио Феери выступал во втором отделении. Когда он вышел на арену вместе с Леночкой, Вера ахнула совсем громко. Лев хотел поглядеть на нее, но не смог: с арены на него в упор смотрел Антонио Феери. Не отводя глаз. Леночка протянула иллюзионисту бокал, но тот бокала не брал, а все смотрел и смотрел на Льва. Тарелка в оркестре тонко звенела. Льву стало казаться, что Антонио Феери приближается. Пятясь попой назад, Лев ощутил следующую ступеньку. Выхода не было. Антонио Феери медленно надвигался на него.

Лев приподнялся.

– Ты куда? – спросила Вера.

– Я... – Лев схватил ее за руку и потянул к выходу: времени оставалось совсем мало. Антонио Феери был шагах в десяти.

– Ты что? – спросила Вера на улице. – Зачем мы убежали? Там же твой дед...

В троллейбусе Лев объяснял Вере, что Антонио Феери не его дед. Что Антонио Феери только принимает облик деда, пытаясь всех обмануть. Что Антонио Феери может превратить весь зал, например, в голубей. Но что Вера не должна бояться Антонио Феери: Лев знает волшебные слова против него.

– Какие? – спросила любопытная Вера.

Лев вздохнул:

– Я не могу их тебе открыть.

Вера посмотрела на него с уважением и сказала:

– Понима-а-аю.

Это был запоминающийся вечер. Когда Лев подошел к дому, там уже стояла небольшая толпа – плохо различимая в сумерках. Он осторожно подкрался к толпе, но его все равно увидели и обернулись. И тут Лев почувствовал, что падает... сильно кружится голова и перед глазами точки, а из толпы, из самой середины, бегут прямо на него страшный Антонио Феери, весь в черном, и прекрасная Леночка в золотом комбинезоне под накинутым наспех плащом.

– Дед Антонио! – все-таки успевает произнести волшебные слова Лев.

Когда он приходит в себя, дед Антонио в серо-синей своей пижаме сидит у его постели с газетой. Лев радостно вздыхает.

М-да... а вот прекратить выступать вообще – это оказалось трудно.

– Хоть обо мне подумал бы! На что жить... – сказала уже полчаса как безработная Леночка. Жить ей, правда, пока было на что.

– Ты грести разве не собираешься – на галере?

– На каное! Не собираюсь... – Леночка обиделась бы опять, но Антон Петрович еще не пристроил ее к кому-нибудь в ассистентки.

Впрочем, пристроил-то он ее тут же: к Володе-метавшему-кольца. Кольца Леночка могла подавать так же профессионально, как цилиндр, бокал, зонт. К тому же, Володя, сосредоточенный исключительно на кольцах, даже не слышал, что Леночка по-прежнему хохотала – все время, пока находилась на арене. Непрестанно.

Так Антонио Феери исчез из жизни Льва. И Лев не знал, где он теперь. Даже дед Антонио – и тот не знал, но как-то сказал Льву:

– Мне кажется, он уехал в Италию.

КАК ПРОТЫКАТЬ ПАЛЬЦЕМ ФЕТРОВУЮ ШЛЯПУ

Достаньте из саквояжа мягкую фетровую шляпу и пустите ее по первому ряду: зрители должны сами убедиться в том, что это совершенно обычная шляпа, в которой нет никакого подвоха. Когда шляпа снова окажется у вас, запустите внутрь кисть руки и проткните пальцем тулью насквозь. Теперь верните проколотую шляпу зрителям для инспекции. Пусть они увидят, что палец не оставил в тулье шляпы даже самой крохотной дырочки.

Этот традиционный, но всегда пользующийся большим успехом трюк вполне можно повторить несколько раз – и даже предложить любому из зрителей проткнуть тулью пальцем: едва ли это удастся кому-нибудь, кроме вас.

Комментарий

Конечно, ваш палец не обладает способностью проходить сквозь фетр, из которого сделана шляпа. Просто в распоряжении у вас имеется муляж пальца, изготовленный из папье-маше и снабженный у самого основания иглой. Именно этот муляж зрители и принимают за протыкающий шляпу палец. Делая вид, что протыкаете шляпу пальцем правой руки изнутри, вколите муляж пальца в тулью снаружи. Потом выньте муляж из тульи и спрячьте его в кулаке левой руки, будто вытаскивая палец правой руки из «отверстия».

8. НИКАКОЙ ТОЧКИ

Только к пятому классу страшный и прекрасный образ Антонио Феери почти окончательно слился в памяти Льва с образом деда Антонио. Лев даже не понимал, как мог он когда-то сомневаться в том, *кто именно* подхватил его на руки в ту злополучную ночь. И *кто именно* удалил страшного и прекрасного Антонио Феери из его, Льва, жизни. Осталось, правда, чувство вины – перед дедом, который никогда больше не ходил в цирк. Цирк умер для него почти так же окончательно, как и Джулия Давнини, женщина-змея.

Теперь Лев только улыбался, если дед Антонио грозился превратить его в столовую ложку – откажись Лев есть суп.

Дед Антонио *не мог* превратить никого в столовую ложку!.. Или – все-таки – мог? Послушать Веру – так очень даже мог.

– Мне кажется, – так и говорила она, – что твой дед все может. Тетя Оля называет его «всемогущим».

И Вера рассказывала всякие страшные истории. Например, как одна продавщица в молочном магазине ответила деду Антонио грубо, а Вера тогда в той же очереди стояла и сама видела: дед Антонио на продавщицу посмотрел очень грозно и что-то сказал одними губами. И с этого дня продавщицы в магазине уже больше никогда не было, зато у дверей появилась облезлая и больная кошка, которая стала жить за магазином, во дворе, где контейнеры. Вера даже показала Льву эту кошку – и кошка действительно была какая-то странная: она смотрела на всех хищными глазами и шипела. Вера и Лев решили остерегаться этой кошки – и теперь ходили в дальний молочный магазин, на улицу Черняховского. Спросить у деда Антонио, так ли все было, как рассказывает Вера, Лев никогда не решался. Но превратить Льва в ложку дед, наверное, все-таки не мог бы. Или мог бы?

– О чем задумался, львенок? – Дед вытягивает у Льва из носу длинный белый платок.

Лев сердится.

– Как ты это делаешь, дед Антонио?

– А вот так! – смеется тот и вытягивает у Льва из носу теперь уже зеленый платок.

– Ловкость рук – и никакого мошенства! – в сердцах говорит Лев и встает из-за стола.

– Кто это тебе сказал? – совсем тихо спрашивает дед Антонио, и Лев удивленно оборачивается на почти неслышный вопрос.

– Ребята... в школе.

– И ты теперь так же думаешь – как ребята в школе?

Лев молчит. Он не знает, думает ли он так же.

– Тогда вытащи синий платок у меня из носа!

Лев не двигается.

– Это же просто! Ловкость рук – и никакого мошенничества... Вот, смотри: какого цвета ты хочешь платок?

«Синего, – подсказывает кто-то изнутри Льва, – синего!»

– Цвета... – медлит Лев (ну, помоги же деду, мальчик: си-не-го!), – цвета... болотного! С желтыми и красными полосками!

«Испортили ребенка, испортили!» – глухо бормочет дед.

– Ну, дед Антонио! Болотного цвета – с желтыми и красными полосками. – Голос бодрый и жестокий: следующее слово будет «слабо». – Слабо?

Ох, мальчик... слабо-то, конечно, слабо.

Да не безнадежно. И дед – медленно, очень медленно – начинает тянуть из носа платок. Болотного цвета. Вот уже видна первая желтая полоска... вот уже и первая красная.

– В таком порядке заказывали? – У деда Антонио колючий взгляд. – *Сначала* желтая, *потом* красная?

Льву стыдно. В глазах – слезы.

– Это плохие слезы, – буднично говорит дед Антонио. – Это злые слезы. – И уходит к себе, *никак* не помогая Льву.

Длинный платок болотного цвета остается лежать на столе. В желтую и красную полоску. Как заказывали.

– Деда! – кричит Лев и срывается с места вслед за дедом Антонио. – Деда, прости меня! Прости меня... грешного!

Страшнее слов он не знает. И капитуляции – полнее! – тоже.

Но они не могут посориться. Они не ссорятся никогда.

– Ну расскажи мне, дед Антонио... *как* ты это делаешь? Научи меня!

– Зачем? Ты же не хочешь быть фокусником, я знаю. Ты просто хочешь уметь делать фокусы. Это разные вещи. И кое-что ты уже умеешь. Только не веришь. Ты верь! Когда ты поверишь, что у тебя в носу лента, ты вытащишь ее.

– Но у меня там нету ленты!

– А вот... – дед Антонио тянет ленту из носа Льва.

И теперь уже Лев плачет от отчаяния.

– Надо верить, львенок, надо верить, – говорит дед Антонио и гладит его по волосам мягкой своей рукой... своей – или все-таки рукой Антонио Феери?

Надо верить. Лев старается изо всех сил – и почти уже верит. Нет, не верит! Школьная жизнь и дед Антонио не совмещаются в его сознании. На уроке говорят про электричество. Натертый эбонитовый столбик притягивает цветные бумажки. У деда Антонио есть такой фокус. А потом Льву становится и вовсе неспособно: он вдруг понимает секрет самого для него непрозрачного из дедовских фокусов, «Волшебного прутика», когда Антонио Феери якобы волшебным своим прутиком зажигает свечу. Никакой это не волшебный прутик: на его кончик просто нанесено небольшое количество перманганата калия! Если фитиль свечи пропитать глицерином, он загорится от прикосновения прутика... чего ж проще?

– Можно выйти, Изабелла Юрьевна?

Он идет на улицу. За угол школы.

– Курить будешь?

– Буду.

Голова – кругом. Сейчас он упадет, и все поймут, что курит он впервые в жизни. Падать нельзя. И Лев, отделившись от стены, единственной сейчас опоры, делает несколько шагов вперед.

И еще несколько.

И еще.

Вот он и дома.

– Дед Антонио, – говорит он с порога, чтобы успеть сказать: успеть сказать и сгореть со стыда. – Твой фокус с волшебным прутиком... пермаг... перманганат калия.

Дед Антонио садится рядом. От Льва пахнет табаком. Лев курил. Господи, что же делать? Господи, вразуми... Они издергали его. Они уничтожают его каждый день. Они добьются того, что в нем вся вера кончится! Лев смотрит прямо перед собой. Дед Антонио уходит и возвращается с папиросой: это индийская папироса, она горит сама. Она горит, как бенгальский огонь. Дед Антонио подносит папиросу к бутону китайской розы на окне. Розу окутывает дым. Когда дым рассеивается, на месте цветка – синий огонек. Он вспыхивает и гаснет.

– Так и ты погаснешь, – говорит дед Антонио и прижимает львенка к себе.

– Я не буду больше курить, не буду!

Львенок, львенок... Господи, сохрани его и помилуй, да святится имя Твое, да придет царствие Твое!

До Бога высоко, до царя далёко...

Откуда-то Лев достал книжку Маневича «Иллюзия и действительность». Он читает ее! Он погибнет. Опять Маневич. Опять на пути встает Маневич. Тогда тоже все начиналось с Маневича. «Маневич, искусствовед. История советского цирка. А это, стало быть...» – «Джулия Давнини. Современность советского цирка... e proprio fortunato Lei!»

Они никогда не говорили о Маневиче вслух. Только глазами: «Ты была у Маневича?» – «Да. Он единственный, кто меня понимает». – «Это неправда, Джулия. Он тоже не понимает тебя. Ты же сама знаешь». – «Знаю. Но Маневич считает меня легендой советского цирка!» – «Это тоже неправда, Джулия. Ты же знаешь, что ты не легенда советского цирка». – «Знаю. Но Маневич говорит, что легенда!»

Теперь Маневич взялся за львенка: погубить и его. Своей поганой книжкой – единственной написанной Маневичем за всю жизнь. И переиздаваемой, переиздаваемой, переиздаваемой! «Иллюзия и действительность»... надо же уметь так подло назвать! Так противопоставить! Так разделить, так развести – на-ве-ки! Мальчику двенадцать лет... – ему нельзя, ему рано различать иллюзию и действительность. У него еще будет время, потом, когда его ткнут носом: здесь, дескать, действительность, а во-о-он там – иллюзия, не путай их, дурачок! Не принимай одно за другое. Не з-а-б-л-у-ж-д-а-й-с-я!

Ловкость рук – и никакого мошенничества... м-да. Мальчик, конечно, поверит Маневичу: Маневичу *просто* поверить. Для того и существуют маневичи, чтобы змеи и львы верили им. Мальчик, не читай книг маневичей!

– Почему, дед Антонио? Интересно же! Вот, смотри... – Лев вынимает из уха теннисный шарик. – Хорошо?

– Плохо, львенок!

– Почему – плохо, дед Антонио? Уже же почти хорошо!..

Как объяснишь? Скажешь, что шарик был в руке – все время только в руке и никогда – в ухе? И что сам Лев прекрасно знает это? Знает – и не заблуждается. А должен – з-а-б-л-у-ж-д-а-т-ь-с-я!

– Я потренируюсь, дед Антонио...

– Бесполезно, львенок... Ты не с того начинаешь. Да и не надо тебе иллюзионистом быть... зачем? Может быть, я читал тебе мало сказок.

– А почему ты больше не выступаешь, дед Антонио? Тут сказано, что старые фокусы изжили себя – и пора раскрыть их секреты!

Гадость, гадость. Старые фокусы изжили себя! Что знает о «старых фокусах» Маневич – с его короткой памятью историка советского цирка? Самый старый фокус для него тысяча девятьсот семнадцатым годом датируется... Знает ли он, сколько фокусу вообще тысячелетий от роду? Знает ли он, что фокусы испокон веков людям жизнь спасали? Что не будь их – не было бы, очень возможно, и самого Маневича: не от кого было бы ему родиться! *Сутти* фокуса – его тайной, его со-блаз-ни-тель-ной сути не понимает Маневич... И не поймет: ее не понять – *не умея*. А не умеешь – стало быть, и не знаешь, что фокус – механизм выживания: выживания человечества.

– Дед Антонио, почему ты никогда не придумал ничего посвежее? Тут сказано, что можно комбинировать старые фокусы – и получатся новые.

Комбинировать... Фокус – субстанция чистая, Маневич! Его нельзя ни с чем комбинировать: он – прост. Он прост, и проста вера в него. Детская вера в чудеса, Маневич, помнишь такую? Забыл. Она у всех одна и та же. Она не может изжить себя. И потому не могут изжить себя фокусы. И потому не надо изобретать новых. Новых фокусов не бывает вообще! Если фокус новый – он трюк... надо же различать такие вещи, Маневич, Маневич! Надо *понимать*

различать фокус и трюк. А вот иллюзию и действительность – их понимать-различать не надо. Действительность иллюзорна – и везде сплошные иллюзии, мальчик! Верь всему, пока тебе мало лет, а что к чему – разберешься потом.

– Дед Антонио, видишь: я привязываю один платок к другому – видишь? А теперь – раз, два, три – платки разъединились сами!

– Они, львенок, и не были связаны...

Они не были связаны, ибо единственно возможный тип связи – тонкую связь между иллюзией и действительностью – разрушил для тебя Маневич. Он научил тебя шагать из действительности в иллюзию и из иллюзии в действительность: туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда! Ты везде свой и нигде не свой. Тебя отторгает действительность – и иллюзия отторгает тебя, ты никому не нужен...

Но ты нужен мне – пока я жив! И я не отдам тебя Маневичу. Где-то у меня тут старая записная книжка с его телефоном...

– Алло. Это Антон Петрович Фертов. Я хочу сказать Вам, что Вам прямая дорога в преисподнюю.

– Нам туда вместе, Антон Петрович.

И – частые гудки. Бойтся Маневич. Огрызается, а сам боится.

– Дед Антонио, кого ты послал в преисподнюю?

– Одного беса. Который превращает искусство в службу быта.

– Как это?

– Да уж не знаю: исхитряется как-то.

– А посмотри, лучше я теперь шарик из уха вынимаю?

– Так же плохо, львенок. Не было у тебя шарика в ухе.

– Конечно, не было!

– А должен был быть... Для тебя – должен был быть.

– Я не понимаю, дед Антонио!

Он не понимает.

– Что, заметно было?

– Очень заметно.

Все очень заметно. Все их хитрости шиты белыми нитками. Они сами себе не верят, а хотят, чтобы им другие поверили! Нет уж, врач, исцелись сам... Но надо убить Маневича. Надо убить его навсегда – чем-нибудь таким, от чего он уже не поднимется. А-ты-сделай-фокус, – говорил маленький Лев и верил. Может, действительно – сделать фокус? Единственный настоящий фокус в своей жизни! Перемешать иллюзию и действительность, растолочь их, сделать пюре... и накормить им Маневича – пусть попробует пе-ре-ва-рить. Ох... прости меня, Господи! Дух целомудрия и смиренномудрия даруй мне, рабу Твоему...

– Дед Антонио, а ты читал эту книжку?

– Нет. И тебе не советую.

– Но ты же не учишь меня!..

– Я учу. Я незаметно учу.

– Учишь быть фокусником?

– Учуне *быть* фокусником! Что касается книжки твоей – вранье там одно.

– Не читал, а говоришь! Почитай сначала.

И правда – почитать? Посмотреть, какие он фокусы испоганил...

Так, с шариками, с платками... А тут – карточные фокусы: Бог с ними, они для эстрады. Но вот эту группу – жалко: старые милые шалости индийские... сволочь Маневич! Какой же это год переиздания? Нынешний! Прямо ведь в ногу со временем шагает Маневич.

– Да, слушаю Вас. Здравствуйте, Ниночка! На один сезон? На ближайший? Нет, на ближайший-то определенно нет. Ну... не знаю. *Без выездных*, понятно. М-м-м... я, пожалуй, подумаю, ладно? И сам тогда позвоню. Константинванычу поклон. До свидания.

До свидания, до свидания!

Прощайте.

Фокусы изжили себя... не видать вам больше Антонио Феери. Он тоже себя изжил. Пусть Маневич фокусничает. Хватит ему тайком фокусничать – пусть теперь на глазах у всего честного народа!

– Вот тут... дед Антонио: я не понимаю, где правую руку держать.

– Слушай меня, львенок. Не так этому всему учатся – тот фокус попробовав, другой... Одно движение – полдвижения, четверть! – месяцами, годами отрабатывают и даже потом тренировки не прекращают никогда... а голова – пустая. Я тебе, по совести сказать, такой жизни не хочу... ты бы и сам не захотел, если б только представлял себе ее как следует: скучная она, тупая. Да и руки у тебя не те, прости меня... Не ручной ты львенок.

– А какой – дикий?

– Не знаю. Знаю, что не ручной, но вот какой – не знаю. Загадочный ты. Но в любом случае фокусничать тебе незачем – по-другому тебе лучше жить. Жить, жить... – и много чего прожить.

– Зачем?

А и в самом деле... зачем! Миллионы маневичей ничего не проживали – сразу в искусство: скок! Потому и думают, что искусство – это искусство жить. И живут себе... искусно. Искусно и припеваючи. И различают между искусством-жить и действительностью-жить, которые, конечно же, разные: пропасть меж ними! Искусная жизнь – и безыскусная... Что с того толку, что он, Антон Петрович Фертов, безыскусную свою жизнь почти прожил? Он-то сам даже и не понимал: где оно в ней, жизни его, это искусство? Все сплелось как-то... слилось. Не было разницы между вот этой вот квартирой и манежем – никогда не было! Но потом пришел мальчик Лев и построил мост... мостик. Шаткий мостик – имени деда Антонио. И пошел по мостику: от Антона Петровича Фертова к Антонио Феери. Мальчик боится, да идет. А мостик-то старый... качается!

– Дед Антонио, вот тут еще непонятно! Ты спишь?

Я не сплю, львенок. Я мостик. Я тебя держу, мне спать нельзя. А то Маневич ухватит тебя за бочок и утащит во лесок. Я не сплю. Я не сплю.

Он так и заснул в кресле. Но утром – при полном параде – уже будил Льва. Глаза у того были красные, и дед Антонио чертыхнулся: вчера за разговорами опять забыл напомнить внуку, что капли-то в глаза перед сном закапывать все-таки надо! Вот уж сколько лет знает Лев, что это его спанье с открытыми глазами роговицу сушит, роговица мутнеет... возникает ксероз, – а все не привыкнет никак к каплям, бестолочь. Между тем обещанные офтальмологом резь в глазах и светобоязнь уже налицо...

– Дед Антонио, ты куда собираешься? – Лев беспощадно трет глаза и смотрит на деда: костюм, галстук, черные ботинки. Андерманир штук, хороший вид – дед Антонио при параде стоит!

– Никуда не собираюсь. Дома буду.

– А почему ты так одет?

И действительно – странно он одет к завтраку. Словно к ужину – званому.

– Я просто по телефону говорить собираюсь.

– В галстук? – Лев смотрит на деда Антонио и смеется.

– Это важный разговор! – Дед Антонио смеется в ответ и вот уже церемонно кланяется Вере, зашедшей за Львом.

Кто бы мог подумать, что из толстого чада девичьего полу получится такая газель! Сколько же ей теперь? Ах, ну да, тринадцать, как и Льву.

Приближаемся к опасному возрасту? Или – уже там?

– Чего это дед Антонио – как на прием? – интересуется Вера на улице.

– Куда-то звонить собрался, – торжественно сообщает Лев. – Важный, говорит, звонок. Вера молчит долго. И уже на пороге школы – говорит:

– Какие мы все-таки другие, Лев, какие... неправильные!

А дед Антонио разгуливает по комнате. Смотрит в зеркало. Поправляет галстук. Он покажет им фокус! Он всем им покажет фокус... фокус-покус. Ради львенка. Ради всех львят на земле. Всех львят и всех газелей.

Это будут только очень старые фокусы. Давным-давно изжившие себя, бесценный Маневич! Самые ранние фокусы человечества... Именно те, которые ты наголову разбиваешь в своей подлой книге.

Маневич бил-бил – не разбил!

– Алло, Ниночка? Это Антонио Феери... С Константинванычем соедините меня? Спасибо. Костя? У тебя, говорят, ангажемент созрел? Как – «отказался»? Ничего я не отказался: я подумать обещал! И я подумал. Ближайший сезон не годится: у меня Лев в опасном возрасте! Да нет, не в этом дело, конечно, – просто я совсем новый аттракцион сделать хочу, не «Пол-часа чудес», другой... на целое отделение. К семидесятилетию, так сказать, юбилею. Не за что, голубчик, это тебе спасибо – что вспомнил. Ну, кокетничаю: и на старуху бывает проруха. Нет, без ассистента. Именно: один на арене, а в случае чего – санитары помогут!.. Да пойдет публика, куда она денется? Я же только аттракцион меняю – не имя! Название – сейчас? Нету пока... хотя, знаешь что, есть название! «Фокусы, изжившие себя». Да, так прямо и запиши: фокусы-запятая-изжившие-себя. Какая точка, где? Никакой точки.

9. БЫВАЕТ ЖЕ ТАКОЕ

Дима постарался как мог.

На ослепительно синем фоне был изображен колоссальных размеров кролик со шкодливой мордой.

Белый.

В четыре роста – человеческих.

До этого так изображали только вождей.

«В Москве никогда больше не будет белил!» – пообещал Дима после закупки всей порции краски, требовавшейся для кролика.

Кролик сидел на задних лапах, каждая из которых по величине напоминала трамплин. Одной из передних лап он придерживал черный цилиндр, другой – вынимал из цилиндра Антонио Феери, изображенного в четыре роста – кроличьих. Лицо Антонио Феери выражало покорность и слабое удивление.

Внизу, по краю афиши и основанию цилиндра, золотыми буквами горела надпись: «Антонио Феери: Фокусы, изжившие себя. Только один сезон». В глаза тревожно бросались слова «изжившие себя» – золотом по черному: они уместились строго по ширине цилиндра.

Сразу после появления афиши встречающиеся возле цирка стали обозначать место встречи словосочетанием «У кролика». Кролик вписался в московскую жизнь как в ней и был.

Когда Дима наконец уговорил Фертова все-таки взглянуть на этого уже легендарного кролика хотя бы издали, Антон Петрович специально приехал в цирк днем – и остолбенел на подступах. Кроличья морда до ужаса напоминала лицо Маневича.

– Дим... – осторожно спросил Антон Петрович почесывающего бороду мастера. – Вы кролика с кого рисовали? Только честно!

Дима пристально посмотрел на Антона Петровича:

– Кролика я рисовал – как это... – по памяти. – И, совсем смутясь, добавил: – Мне не требовалось его ни с кого рисовать... я помню, как кролики выглядят. А Вас я рисовал с того портрета, который в цирке висит... похоже?

– На редкость, – равнодушно сказал Антон Петрович, не отрывая глаз от кролика. И горячо добавил: – Знаете, что, Дима... у Вас антенна на лбу!

– Это как же так, Антон Петрович?

– Кролик, – полушепотом сказал тот, – просто вылитый... человек один, которого я все последние месяцы поминал...

– Добрым словом? – ужаснулся этичный Дима.

Антон Петрович виновато помотал головой, а Дима просиял:

– Значит, Вам нравится?

– Еще бы ему не нравилось! – директорским своим басом прогрохотал Константинваныч, встречая Антона Петровича у дверей и заключая в объятия, словно в тюрьму. – Когда у кролика морда Маневича!

Антон Петрович инстинктивно оглянулся и покачал головой.

– Идемте со мной, – взяв Антона Петровича под руку, кивнул Диме Константинваныч. – Я давно Вам кое-что показать хочу.

У себя в кабинете Константинваныч долго-предолго искал, но ведь нашел-таки экземпляр ненавистой Антону Петровичу книги. На вклейке перед титульным листом был помещен портрет автора.

– Взгляните, Дим, – невинно поманил растерявшегося у двери гостя (первый раз в директорском кабинете!) Константинваныч.

Дима тоненько захохотал – и сразу стало видно, что ему не больше двадцати.

– Я вам мамой клянусь! – давился он. – Нет, ну поразительно просто, поразительно!..
Перерисовывать?

– Да ни за что на свете! – воскликнул Антон Петрович. – А в конце сезона я ему эту афишу заказной бандеролью пошлю.

– Боюсь, ты столько за сезон-то не заработаешь: в ней весу – тонна! – озаботился Константинванч. – Давай тогда на два-три сезона договариваться...

Между тем в цирковых кругах уже несколько месяцев ходили слухи – разнообразные. Наиболее правдоподобно звучало сообщение, будто «Фокусы, изжившие себя» и вообще-то задуманы как начало травли Маневича, которого цирковые единодушно ненавидели – главным образом за то, что Маневич отождествлял себя с цирком-в-целом, а уж заодно и за то, что мировую славу даже самых ярких звезд он прилежно вписывал в историю только и исключительно советского цирка. Однако у Маневича было более чем неплохо с друзьями – и потому поговаривали о том, что первое выступление Антонио Феери легко может оказаться последним. Впрочем, тому, семидесятилетнему любимцу мира, это было, слава Богу, неважно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.